

Дидро, Руссо

(Diderot, by J. M.
2. В., 1866.—Шугур

Около половины прошлаго столетия ма съ наукой наступилъ таинственный страхъ. Папство папы воодушевилось надеждою на какаунѣ своей смерти, Вольтеръ въ Парижѣ Руссо переписывалъ ноты на своемъ чердакѣ. Вольтеръ жествовалъ, и когда загорѣлась борьба по поводу проектированнаго налога съ церковныхъ имуществъ, то клерикалы смѣло приняли сраженіе и одержали побѣду. Протестанты подверглись новымъ преслѣдованіямъ и католическій обскурантизмъ начиналъ надѣяться на возвращеніе лучшихъ дней своего господства.

Въ это время у клерикаловъ появляется новый врагъ, несравненно болѣе сильный, чѣмъ какіе-нибудь протестанты или яansenисты, и не менѣе страшный, чѣмъ Вольтеръ и Руссо. То были энциклопедисты, съ Дидро во главѣ.

Сынъ ножевщика, Дидро родился въ Лангрѣ въ 1713 г., слѣдовательно, онъ былъ немногими мѣсяцами моложе Руссо, почти двадцатью годами моложе Вольтера, двумя—Юма и одинадцатью годами старше Канта. Отецъ Дидро былъ человѣкъ недюжинный и послѣ его смерти никто изъ сосѣдей не могъ говорить о немъ безъ слезъ на глазахъ. У Дидро были двѣ сестры и братъ. Одна изъ сестеръ, противъ желанія семейства, поступила въ монахини, и когда Дидро посѣщалъ ее, то она съ такимъ жаромъ и краснорѣчіемъ старалась обратить его на путь благочестія, что Дидро

...гія
...все,
...ывал-
...ханжей,
...честивымъ.
...давалъ бѣд-
...ывалъ ихъ дѣ-
...его бумаги, что-
...библіотекой Дидро

...у званію и во время своего
...благочестія, которое было такъ
... Но не эти уроки, а совершенно посто-
... ронное... стительство дало сильный толчекъ развитію его чув-
...ства. Трехлѣтняго Дидро взяли посмотрѣть смертную казнь, зрѣ-
...лице которой такъ потрясло его, что онъ сдѣлался серьезно бо-
...лѣнъ и у него развилась страшная желтуха. На восьмомъ или де-
...вятомъ году Дидро началъ учиться у іезуитовъ. За какую-то ссо-
...ру съ товарищемъ онъ былъ удаленъ изъ коллегіи на цѣлый тотъ
...день, когда шель публичный экзаменъ и раздавались награды.
...Онъ не могъ перенести мысли о томъ, что проведетъ этотъ день
...дома и опечалить родителей. И онъ отправился въ коллегію. Здо-
...ровенный швейцаръ не пустилъ его, но Дидро удалось проскольз-
...нуть вмѣстѣ съ толпой; швейцаръ нагналъ его и такъ энергично
...хотѣлъ задержать его своей алебардой, что немного ранилъ его.
...Но это не остановило мальчика и онъ благополучно добрался до
...того мѣста, которое обыкновенно занималъ въ классѣ. Онъ обна-
...ружилъ такіе успѣхи и способности, что, несмотря на свое само-
...вольное появленіе въ коллегіи, получилъ всѣ призы и явился къ
...своему торжествующему семейству, задыхаясь подъ бременемъ на-
...градныхъ книгъ и вѣнковъ. О ранѣ, полученной имъ отъ швей-
...цара, онъ не сказалъ никому ни слова и о ней узнали только
...въ слѣдующее воскресенье, когда его начали одѣвать въ церковь.
...Дидро превосходилъ способностями и знаніями всѣхъ своихъ то-

варищей, но не всегда был исправенъ по классу. Выговоры учителей сильно огорчали его и въ одно прекрасное утро онъ объявилъ родителямъ, что болѣе учиться не намѣренъ. „Что-же, ты хочешь сдѣлаться ножевщикомъ?“ спросилъ отецъ. „Съ радостью“, отвѣчалъ сынъ. На него надѣли передникъ и отецъ заставилъ его работать вмѣстѣ съ собой, но всякая работа у него просто изъ рукъ валилась, онъ портилъ и ножи, и инструменты, и по прошествіи пяти дней вдругъ поднялся съ своего рабочаго стула, пошелъ въ свою комнату, забралъ книги и отправился въ коллегію, о выходѣ изъ которой уже болѣе не мечталъ. Іезуиты отлично понимали, какую пользу могъ-бы извлечь ихъ орденъ изъ таланта Дидро. Они начали оболъщать Дениса и, наконецъ, убѣдили его бѣжать отъ отца въ Парижъ. Денисъ передалъ объ этой тайнѣ одному другу, который сообщилъ ее отцу Дидро, и послѣдній началъ наблюдать за сыномъ. Вечеромъ, въ день, назначенный для бѣгства, отецъ подкараулилъ, какъ Денисъ спускался съ лѣстницы, чтобы выйти со двора. „Куда ты это въ полночь?“ спросилъ отецъ. — „Въ Парижъ, отвѣчалъ сынъ, — а тамъ я поступлю къ іезуитамъ“. — „Сегодня ночью ты не поѣдешь, но твое желаніе будетъ исполнено, а теперь иди спать“. На-завтра утромъ отецъ взялъ два мѣста въ почтовой каретѣ, привезъ Дениса въ Парижъ и, помѣстивъ его въ коллегію Д'Аркеура, простился съ нимъ. Но онъ слишкомъ любилъ сына и не могъ уѣхать, не успокоевшись насчетъ его положенія. Цѣлыхъ двѣ недѣли тосковалъ онъ въ гостинницѣ и, наконецъ, явился въ коллегію. Дидро часто говаривалъ своей дочери, что это доказательство нѣжности и доброты отца до того увлекло его, что если-бы отецъ потребовалъ, то онъ пошелъ-бы для него на край свѣта. „Другъ мой, сказалъ ему отецъ, — я пришелъ узнать, хорошо-ли тебѣ, довольны-ли ты своими начальниками, помѣщеніемъ, столомъ, товарищами и самимъ собою. Если тебѣ не хорошо и ты несчастливъ, то мы вмѣстѣ возвратимся къ твоей матери. Если-же ты хочешь остаться здѣсь, то простимся, и я обойму и благословлю тебя“. Дидро сказалъ, что онъ совершенно счастливъ и доволенъ, и отецъ уѣхалъ.

Дидро приобрѣлъ много друзей въ коллегіи и въ особенности онъ сблизился съ абатомъ Верни, извѣстнымъ внослѣдствіи по-этомъ и кардиналомъ. Они часто ходили обѣдать въ сосѣдній ре-

сторанъ и Дидро съ удовольствіемъ вспоминалъ о веселости этихъ пиршествъ. Легкость нравовъ того времени отразилась, понятно, и на немъ. Однажды онъ влюбился въ оперную танцовщицу и изъ оконъ одного своего друга вздумалъ наблюдать за ея туалетомъ. Онъ видѣлъ, что она, поставивъ ногу на стулъ, натирала себѣ мѣломъ подошвы. „Съ каждымъ разомъ, какъ она проводила по нимъ мѣломъ, рассказываетъ онъ, — уменьшалась моя страсть, и къ концу ея туалета сердце мое было такъ-же чисто, какъ ея башмакъ“. При всей своей страстности Дидро, однакожь, чувствовалъ отвращеніе къ тѣмъ крайностямъ, которымъ отдавалось большинство людей его времени. По его мнѣнію, это отвращеніе развилось въ немъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ двухъ случаевъ, которые онъ помнилъ всю жизнь и о которыхъ онъ рассказываетъ въ одномъ письмѣ къ m-ше Волянъ. И все-таки распушенность нравовъ сильно отразилась на Дидро и выразилась въ его любовныхъ похожденияхъ, въ фривольности нѣкоторыхъ его картинъ и выраженій. Одна изъ его молодыхъ піесъ, „Софа“, до того цинична, что можетъ быть поставлена на ряду съ „Кавалеромъ Фоблазомъ“ и другими подобными порожденіями вѣка, любившаго и кутившаго, что-называется, и въ хвостъ, и въ гриву. При всемъ томъ, Дидро въ этомъ отношеніи былъ однимъ изъ самыхъ скромныхъ людей своего времени и молодые годы его протекали не столько въ кутежахъ и ухаживаньяхъ за женщинами, сколько въ научныхъ занятіяхъ.

Дидро скоро разочаровался въ іезуитахъ и не чувствовалъ уже ни малѣйшаго желанія посвятить себя духовному званію, къ которому сначала предназначалъ его отецъ. Узнавъ объ этомъ, послѣдній просилъ знакомаго ему чиновника взять Дениса къ себѣ на квартиру, чтобы онъ изучалъ право. У этого чиновника, Клемана Ри, Дидро прожилъ два года, но юридическія занятія мало прельщали его и все свое свободное время онъ посвящалъ языкамъ греческому, латинскому, италіянскому и англійскому, въ особенности-же математикѣ, и въ-концѣ-концовъ до того увлекся науками, что Клеманъ счелъ долгомъ извѣстить своего друга о томъ, на что тратитъ время сынъ его. Отецъ Дидро потребовалъ отъ него категорическаго отвѣта, какую именно професію онъ намѣренъ избрать для себя. Молодой Денисъ просилъ дать ему время на размышленіе и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ второго во-

проса, отвѣчалъ, что быть лекаремъ онъ не желаетъ, такъ-какъ не имѣть духа убивать людей; обязанности юриста трудно исполнять добросовѣстно, что-же касается адвокатуры, то онъ охотно взялся-бы за нее, если-бы не питалъ положительнаго отвращенія къ блуждающей жизни заниматься чужими дѣлами. — „Но въ такомъ случаѣ, спросилъ Клеманъ, — вѣдь-же вы хотите быть?“ — „Никѣмъ, положительно никѣмъ; я люблю научныя занятія, я счастливъ, доволенъ и не желаю ничего другого“. Узнавъ о такомъ отвѣтѣ сына, отецъ Дидро предложилъ ему немедленно или выбрать какую-нибудь професію, или вернуться домой, но сынъ не послушался; отецъ пересталъ высылать ему деньги. Чтобы не быть болѣе въ тягость Клеману, Дидро нанялъ маленькую комнату, и пока у него оставались еще деньги, посвящалъ все свое время наукамъ. Онъ часто писалъ къ отцу, но постоянно получалъ въ отвѣтъ, что онъ долженъ или избрать опредѣленное занятіе, полезное обществу, или вернуться къ семейству; мать-же потихоньку отъ отца посылала ему понемногу денегъ и бѣля не по почтѣ, а съ преданной служанкой, которая при этомъ дѣлала каждый разъ по 120 миль пѣшкомъ до Парижа и обратно. Предоставленный самому себѣ, Дидро вращался въ разнообразныхъ общественныхъ кружкахъ, въ хорошихъ и дурныхъ, то работалъ и наслаждался, то сидѣлъ безъ дѣла и безъ денегъ. Онъ жилъ уроками, преимущественно математики. Если ему попадался даровитый ученикъ, то онъ не жалѣлъ времени и часъ у него превращался въ день; съ тупицами онъ не имѣлъ духа заниматься и послѣ перваго урока болѣе не приходилъ. Ему платили книгами, мебелью, мытьемъ бѣля, обѣдами или деньгами, а иногда и вовсе не платили, что, впрочемъ, мало печалило его. Онъ сочинялъ также проповѣди; одинъ мисіонеръ заказалъ ему шесть проповѣдей для португальскихъ колоній и заплатилъ по 200 франковъ за каждую, что было самымъ крупнымъ заработкомъ для Дидро въ то время. Одинъ финансистъ взялъ его въ домашніе учителя къ своимъ сыновьямъ за 1,500 франковъ въ годъ. Втеченіи трехъ мѣсяцевъ Дидро былъ неразлученъ съ этими дѣтьми, онъ не только учил ихъ, но даже спалъ, завтракалъ, гулялъ съ ними и кромѣ нихъ не имѣлъ сношенія ни съ кѣмъ. Наконецъ, терпѣніе его лопнуло и онъ объявилъ отцу, чтобы онъ искалъ для нихъ другого учителя. Отецъ удвоилъ ему жалованье и предлагалъ всевозможныя

удобства, чтобы только Дидро остался, но Дидро отвѣчалъ: „посмотрите на меня, вѣдь я желтъе лимона; я дѣлаю вашихъ дѣтей людьми, но самъ въ то-же время болѣе и болѣе превращаюсь съ ними въ ребенка. Какъ ни хорошо я обставленъ въ вашемъ домѣ, но я долженъ уйти. Я стремлюсь не къ тому, чтобы лучше жить, но къ тому, чтобы только не умереть“. И онъ снова поселился на чердакѣ, гдѣ бѣдность и лишенія не тяготили его. Среди молодежи онъ имѣлъ нѣсколькихъ друзей, съ которыми находился въ чисто-братскихъ студенческихъ отношеніяхъ. Его постель принадлежала тому, кто первый овладѣвалъ ею, а кто приходилъ послѣ, будь то даже самъ хозяинъ, тотъ помѣщался гдѣ-нибудь въ углу на полу. Съ такой-же безцеремонностью Дидро спалъ, ѣлъ и писалъ у своихъ друзей, а у пріѣзжавшихъ въ Парижъ пріятелей своего отца онъ занималъ понемногу денегъ, которыя отецъ и уплачивалъ, хотя и не переставалъ настаивать, чтобы Денисъ или избралъ професію, или вернулся домой. Въ числѣ знакомыхъ Дидро былъ его землякъ и отдаленный родственникъ, кармелитскій монахъ Анжъ, громадное самолюбіе котораго было устремлено къ одной цѣли—сдѣлаться опорой и украшеніемъ своего ордена. Какъ ревностный прозелитъ, онъ содержалъ что-то вродѣ банка и на-счетъ его вербовалъ несчастныхъ молодыхъ людей хорошаго происхожденія, ссужая ихъ деньгами, доставляя имъ пристанище въ монастырѣ и, за принятіе монашества, примиряя ихъ съ родственниками. Услышавъ о немъ, Дидро отправился къ нему подъ предлогомъ осмотрѣть бібліотеку и при этомъ закинулъ нѣсколько словъ о прелестяхъ отшельнической жизни. При второмъ посѣщеніи онъ разсказалъ ему о своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, изъ которыхъ его можетъ вывести только примиреніе съ отцомъ, переставшимъ высылать ему деньги послѣ того, какъ онъ отказался избрать опредѣленную професію. Монахъ согласился примирить его съ отцомъ, а Дидро объявилъ желаніе поступить въ ихъ монастырь, но такъ годивъ черезъ два, черезъ три, чтобы въ это время заработать хотя 1,200 франковъ для обезпеченія дѣвушки, съ которой онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ. Монахъ, опасаясь, какъ-бы дѣвица не ускользнула изъ его рукъ, предложилъ ему эту сумму, говоря, что отецъ его охотно уплатитъ этотъ долгъ, какъ только до него дойдетъ радостная вѣсть, что сынъ его сдѣлался членомъ

кармелитскаго ордена. Дидро взялъ у него 50 лудировъ и заплатилъ самыя настоятельныя долги, вмѣсто того, чтобы отдать ихъ воображаемой любовницѣ, о которой онъ навралъ монаху. Затѣмъ онъ обратился къ нему во второй разъ, прося, чтобы онъ убѣдилъ отца уплатить его долги портному, хозяйкѣ и т. д. Монахъ, убѣжденный, что эти деньги не пропадутъ, коль скоро Дидро поступить въ монастырь, далъ ему еще нѣсколько сотъ франковъ. Затѣмъ Дидро приходитъ къ нему въ третій разъ и объявляетъ, что онъ совершенно готовъ къ постриженію, но, будучи сыномъ хорошихъ родителей, онъ не хотѣлъ-бы поступать въ монастырь какъ какой-нибудь нищій и потому нуждается въ деньгахъ на покупку бѣлья и книгъ. „Это совершенно излишне, возразилъ монахъ, — и въ первое-же утро послѣ вашего поступленія я обязуюсь доставить вамъ все необходимое, но теперь мы должны покончить“. — „Такъ вы, братъ Анжъ, не хотите мнѣ дать больше денегъ?“ спросилъ Дидро. — „Конечно, нѣтъ“, отвѣчала монахъ. — „Ну, я въ такомъ случаѣ не хочу болѣе быть кармелитомъ“, сказалъ Дидро и ушелъ. Монахъ былъ внѣ себя отъ злости и написалъ объ этой исторіи отцу Дидро, который заплатилъ деньги, но при этомъ отнесся къ нему, какъ къ старому дураку, дозволившему одурачить себя первому школьнику. Понятно, что подобныя выходы не могли примирить Дидро съ семействомъ, и, страшно бѣдствуя, онъ не разъ доходилъ до мысли покончить со всѣми своими научными занятіями и взяться за какое-нибудь хлѣбное дѣло; но одного стиха Гомера, одной мысли Ньютона, какой-нибудь новой научной задачи было достаточно, чтобы Дидро на долго забывалъ о своихъ практическихъ проектахъ. Въ одно прекрасное утро, очутившись безъ гроша и не желая ни къ кому обращаться изъ друзей, онъ, чтобы разогнать тоску, отправился въ бібліотеку, но страшный голодъ скоро заставлялъ прекратить чтеніе и вернуться на квартиру, при входѣ въ которую онъ упалъ въ обморокъ. Когда Дидро очнулся, хозяйка дала ему немного хлѣба и вина и онъ уснулъ. „Въ этотъ день, рассказывалъ онъ потомъ своей дочери, — я повѣлялъ, что если буду когда имѣть хоть что-нибудь, то не откажу ни въ чемъ нуждающемуся и не допущу ближняго вытерпѣть муки подобнаго дня“. „И, замѣчаетъ его дочь, — никогда клятва не исполнялась чаще и добросовѣстнѣе, чѣмъ эта“. Самъ Дидро писалъ однаж-

ды Вольтеру: „другъ Дамилавиль скажетъ вамъ, что мои двери и мой кошелекъ постоянно открыты для всѣхъ несчастныхъ, посылаемыхъ мнѣ доброю судьбой, что они распоряжаются моимъ временемъ и талантомъ и что я помогаю имъ и совѣтами, и деньгами“. Дочь его сравниваетъ его библиотеку съ лавкою, наполненною покупателями, но покупателями, которые брали все, въ чемъ нуждались, не за деньги, а даромъ. Сердце Дидро страдало при видѣ каждаго бѣдняка. До чего доходила добродушная незлобивость Дидро, показываетъ слѣдующій случай. Однажды явился къ нему молодой человѣкъ съ рукописью, прося прочитать ее и высказать свое замѣчаніе. Пробѣжавъ ее, Дидро увидѣлъ, что это сатира на него самого. Когда молодой человѣкъ пришелъ во второй разъ, Дидро спросилъ, за что онъ съ такою злобою нападаетъ на него. „Я сижу голодомъ, отвѣчалъ сатирикъ, — и надѣюсь получить отъ васъ нѣсколько кронъ, чтобы не печатать этого“. „Я вамъ укажу средство получить больше, отвѣчалъ Дидро. — Братъ герцога Орлеанскаго ханжа и ненавидитъ меня; посвятите сатиру ему, и вы навѣрное получите отъ него больше, чѣмъ отъ меня“. — „Но я не знаю его, сказалъ сатирикъ, — да и составленіе посвященія затрудняетъ меня“. — „Садитесь“, сказалъ ему Дидро и тутъ-же написалъ ему посвященіе, вмѣстѣ съ которымъ сатира была представлена принцу, щедро наградившему голодавашаго сатирика.

Въ 1741 г. въ томъ домѣ, въ которомъ квартировалъ Дидро, онъ встрѣтилъ дѣвушку и она такъ понравилась ему, что Дидро захотѣлъ непременно съ нею познакомиться. Хозяйка объяснила ему, что это дочь г-жи Шампюнь, что обѣ онѣ живутъ трудомъ и совершенно уединенно, такъ что, по всей вѣроятности, не захотятъ заводить знакомства съ нимъ. Дидро все-таки отправился въ квартиру Шампюнь подъ предлогомъ заказать имъ бѣлье, но послѣ трехъ или четырехъ посѣщеній по поводу бѣлья онъ началъ являться къ нимъ каждый вечеръ. Шампюнь переѣхали на другую квартиру, за ними послѣдовалъ и Дидро, вконецъ открытій молодой дѣвушкѣ свое сердце съ предложеніемъ выйти за него замужъ. Мать не соглашалась, находя глупымъ выходить за человѣка, который ничѣмъ не занимается и единственное достоинство котораго, по ея словамъ, „заключается въ золотомъ языкѣ“, перевернувшемъ задомъ напередъ голову ея дочери. Но при всемъ

томъ, что мать превосходно проповѣдывала на эту тему, она сама нѣжно любила Дидро и, по настоянію дочери согласилась на, ея замужество. Дидро отправился въ Лангръ, чтобы получить согласіе родителей и необходимыя бумаги. Отецъ встрѣтилъ его съ радостью, мечтая о томъ, что онъ поселится вмѣстѣ съ нимъ и уже болѣе не разстанется. Когда-же Дидро объявилъ о своемъ намѣреніи жениться на парижанкѣ, родитель обозвалъ его дуракомъ, приказавъ забыть и думать объ этомъ и угрожая въ противномъ случаѣ своимъ проклятіемъ. Дидро не сказалъ на это ни слова, но ночью бѣжалъ изъ дому и, вернувшись въ Парижъ, рассказалъ все своей невѣстѣ, которая рѣшительно объявила, что она ни за что не рѣшится войти въ семейство, относящееся къ ней враждебно; она просила Дидро оставить и забыть ее. Дидро былъ такъ пораженъ этимъ отказомъ, что слегъ въ постель. Шампюанъ и ея дочь, узнавъ объ этомъ, окружили Дениса своими нѣжными попеченіями, благодаря которымъ, а главнымъ образомъ, согласію обѣихъ ихъ на бракъ, Дидро скоро поправился и немедленно-же обвѣнчался ночью безъ всякихъ церемоній съ своею возлюбленною. У Дидро было четверо дѣтей, но всѣ они умерли въ дѣтствѣ и въ живыхъ осталась только младшая дочь, Анжелика, спасенная, по мнѣнію матери, благодаря сдѣланному передъ рожденіемъ ея обѣтамъ Пресвятой Дѣвы и св. Франциску.

Послѣ женитьбы Дидро уже нельзя было вести прежній цыганскій образъ жизни, и заботы о содержаніи семейства заставили его взяться за литературный трудъ, когда ему было уже 30 лѣтъ отъ роду. Въ то время литературная профессія была еще въ самомъ жалкомъ положеніи и литераторы были отверженцами общества, нищими, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ, за исключеніемъ развѣ Вольтера, Грея и Ричардсона, которые не знали, что значить сидѣть голодомъ или ходить безъ рубашки, но зато и жили не на одни заработки своего пера. Всѣ другіе извѣстные литераторы того времени начинали свою карьеру среди страшныхъ лишеній и бѣдствій, а многіе даже оканчивали ее, какъ нищія и бродяги. Фильдингъ и Колинсъ, Гольдсмитъ и Джонсонъ—въ Англіи, Гольдони—въ Италіи, Вовенаргъ, Мармонтель и Руссо—во Франціи, Винкельманъ и Лессингъ—въ Германіи, — всѣ они бились, какъ рыба объ ледъ, необезпечен-

ные навѣрное даже объдомъ или ночлегомъ. Между тѣмъ въ лицѣ этихъ людей нарождалась новая социальная сила, которой предстояла блестящая роль въ исторіи умственного развитія Европы. Они не были представителями ни поэтической школы, ни философской доктрины, а только пропагандистами воспринятыхъ ими прогрессивныхъ идей, которыя общество было въ состояніи усвоить себѣ въ легкой, пріятной и общедоступной формѣ, приданной имъ даровитыми литераторами. Фонтенель во многихъ отношеніяхъ былъ первымъ представителемъ этого новаго важнаго класса людей даровитыхъ, ученыхъ, скептическихъ и краснорѣчивыхъ. Когда Фонтенель родился, литераторовъ еще не было, когда-же онъ умеръ — литераторы уже были самыми вліятельными лицами во Франціи, но когда Дидро появился на улицахъ Парижа, этотъ переворотъ еще не совершился.

Дидро, если можно такъ выразиться, былъ рожденнымъ литераторомъ. Онъ обладалъ энциклопедическими знаніями и окончательно опредѣлился подъ вліяніемъ величественныхъ идей Бэкона. Но онъ не былъ книжникомъ и интересы жизни увлекали его болѣе, чѣмъ литература. „Дѣлать добро, познавать истину“ было его девизомъ, и познаніе истины онъ считалъ только средствомъ для дѣланія добра людямъ. Дарованія Дидро были блестящи, но при всемъ томъ, достигнувъ степени первоклассной знаменитости и оказавъ прочное вліяніе на умы болѣе сильные и разносторонніе, Дидро не оставилъ намъ ни одного великаго произведенія. Онъ написалъ, по выраженію Мармонтеля, много превосходныхъ страницъ, но ни одной превосходной книги. Это зависѣло, впрочемъ, и отъ необходимости работать изъ-за куска хлѣба. Закачивавшая величайшее литературное предпріятіе XVIII вѣка, Дидро писалъ: „вотъ черезъ восемь или десять дней я увижу конецъ дѣла, которое занимало меня впродолженіи двадцати лѣтъ; оно не принесло мнѣ счастья, оно часто подвергало меня опасности быть изгнаннымъ изъ отечества или потерять свободу, оно поглотило жизнь, которую я могъ-бы сдѣлать и болѣе полезною, и болѣе славною. Принесеніе таланта въ жертву нуждѣ случалось-бы рѣже, если-бы дѣло шло только о самомъ себѣ. Одинокій не затруднится пить воду, жевать сухія корки и принимать убѣжище у какого-нибудь генія на чердакѣ. Но для жены и для дѣтей на что не рѣшишься? Если-бы я хотѣлъ оправдываться въ ихъ

глазахъ, я не сказалъ-бы: я работалъ для васъ тридцать лѣтъ, но я сказалъ-бы: для васъ я отказывался отъ призванія своей природы тридцать лѣтъ, предпочитая уклоняться отъ своихъ стремленій и дѣлать то, что полезно для васъ, вмѣсто того, что приятно для меня. Вотъ чѣмъ вы обязаны мнѣ и о чѣмъ вы никогда не думаете“. Но едва-ли-бы Дидро создалъ великія произведенія и въ томъ случаѣ, если-бы нужды семейства не заставляли его искать хлѣбныхъ занятій. Его умъ былъ слишкомъ разнообразенъ, увлекался всѣмъ, что поражало его, и не былъ достаточно дисциплинированъ для продолжительной работы надъ однимъ и тѣмъ-же предметомъ. Кромѣ того, талантъ Дидро былъ болѣе собесѣдническій и ораторскій, чѣмъ писательскій. По его сочиненіямъ трудно судить о силѣ того великаго вліянія, какое онъ оказывалъ на современниковъ, — такъ много въ нихъ декламации, недостатковъ изложенія и нѣмецкой тяжеловѣсности. Но въ устной бесѣдѣ Дидро являлся великимъ, вдохновеннымъ ораторомъ. „Когда я припоминаю, писалъ одинъ изъ его друзей, — неизмѣримое разнообразіе идей Дидро, поразительную разносторонность его знаній, быстрый полетъ, теплоту и мощные порывы его воображенія, всю прелесть и всю беспорядочность его разговора, то я рискую уподобить его характеръ самой природѣ, — такъ онъ богатъ, плодитъ, изобилуетъ плодами всякаго рода, кротокъ и гордъ, простъ и величественъ, благороденъ и возвышенъ, но безъ всякаго руководящаго принципа, безъ авторитета и безъ Бога“. У Дидро, какъ у Сократа, по замѣчанію многихъ, было что-то *демоническое*, хотя присутствіе этого демона проявлялось въ устной рѣчи, въ бесѣдѣ, а не въ его сочиненіяхъ. Впрочемъ, и послѣднія имѣли громадное вліяніе на современниковъ Дидро.

Дидро началъ свою литературную дѣятельность переводами съ англійскаго, преимущественно изъ Шефтсбери. Выборъ этотъ былъ далеко не случайный. Сочиненіе послѣдняго объ энтузіазмъ было написано по поводу неистовствъ французскихъ мистиковъ и фанатиковъ, бѣжавшихъ въ Лондонъ послѣ отміны нантскаго эдикта. До подобныхъ-же скандаловъ доходили, въ свою очередь, парижскіе янсенисты съ ихъ мнимыми чудесами, пророчествами, видѣніями, которыя въ здравомыслящей части общества возбуждали только скептицизмъ, и представителемъ-то этого скептицизма выступилъ Дидро. Но міросозерцаніе, выразившееся въ его первыхъ

сочиненіяхъ, не было очень широкимъ, такъ-какъ ни Дидро, ни его современники не имѣли въ своихъ рукахъ хорошаго оружія для борьбы съ суевѣріемъ и традиціей. Историческій или критическій методъ изслѣдованія былъ еще невозможенъ въ то время, при тогдашнемъ состояніи историческихъ и филологическихъ знаній. Точно такимъ-же образомъ невозможно было атаковать традицію съ оружіемъ естествознанія, хотя послѣднее начало уже усиленно вырабатывалось и совершенствовалось. Оставалось одно — начать борьбу на почвѣ здраваго смысла, лучшимъ представителемъ котораго въ философіи былъ Шефтсбери, сочиненія котораго, относящіяся къ нравственной философіи, и были переведены Дидро, снабдившимъ ихъ оригинальными примѣчаніями. Шефтсбери былъ теистъ и моралистъ, основное положеніе котораго состояло въ томъ, что никакая истинная добродѣтель невозможна безъ Бога, а безъ добродѣтели невозможно истинное счастье; подъ добродѣтелью-же онъ разумѣлъ разумный эгоизмъ, подчиненный требованіямъ общаго блага. Отождествляя добродѣтель съ счастьемъ, Шефтсбери, а за нимъ и Дидро отождествляли ее и съ прекраснымъ. Въ примѣчаніяхъ Дидро мы находимъ много оригинальныхъ для того времени мыслей, какъ, напр., о страстяхъ. „У меня есть страсти, говоритъ Дидро, — и я сдѣлался-бы очень злымъ, если-бы лишился ихъ, такъ-какъ я люблю своего бога, своего короля, свое отечество, своихъ родителей, своихъ друзей, свою подругу и самого себя, люблю все это страстно. Я сильно стремлюсь къ богатству и всегда желаю имѣть больше, да и какой добрый человѣкъ доволенъ тѣмъ, что онъ имѣетъ? Какъ пріятно было-бы мнѣ оживить этотъ талантъ, который погибаетъ на моихъ глазахъ, соединить этихъ влюбленныхъ, которыхъ бѣдность удерживаетъ въ безбрачій, по средствамъ моей щедрости отмстить судьбѣ за ударъ, нанесенный ею этому трудолюбивому купцу. Я дѣлаю каждый день только одного неблагодарнаго; ахъ, зачѣмъ я не могу дѣлать ихъ сотнями!“ и т. д. Для нашего времени во всѣхъ этихъ примѣчаніяхъ Дидро нѣтъ ничего новаго, но въ свое время они были сильнымъ средствомъ въ борьбѣ противъ мистическихъ и аскетическихъ идей яansenистовъ и другихъ подобныхъ изувѣровъ. Въ нихъ слышался протестъ противъ средневѣковой морали и провозглашалась новая, *естественная* нравственность, которая вскорѣ должна была воцариться надъ всѣми передовыми умами

того времени, освободившагося отъ средневѣкового авторитета. Эта фривольная мораль XVIII вѣка вполне соответствовала и жизни тогдашняго общества, и жизни такихъ представителей его, какъ Вольтеръ, Руссо и Дидро. При всемъ томъ, что Дидро такъ любилъ семейную жизнь, онъ не разъ увлекался посторонними женщинами. Дидро былъ ревнивъ и при своемъ увлекающемся темпераментѣ причинялъ не мало горя своей женѣ. Когда у него родилась вторая дочь, то онъ отослалъ свою жену къ своимъ родителямъ, а самъ сошелся съ остроумною мадамъ Шюизье, которая имѣла на него гораздо больше вліянія, чѣмъ его жена, женщина посредственная. Это знакомство подало поводъ къ первому оригинальному произведенію Дидро. Мадамъ нужно было 600 франковъ, и чтобы достать ихъ, Дидро написалъ свои „Философскія мысли“, въ которыхъ онъ пошелъ уже гораздо дальше, чѣмъ въ примѣчаніяхъ на книгу Шефтсбери. Вотъ что, напр., говоритъ онъ въ нихъ о страстяхъ. „Люди обыкновенно вооружаются противъ страстей, они обыкновенно приписываютъ имъ всѣ страданія, которыя человѣкъ претерпѣваетъ, но совершенно забываютъ при этомъ, что въ нихъ-же заключается и источникъ всѣхъ его наслажденій. Считается обидою разуму, если кто скажетъ хоть одно слово въ защиту его соперницъ. Однакожь, только страсти, и сильныя страсти, могутъ возвышать душу до великихъ дѣлъ. Хладнокровное чувство производитъ только пошлость. Обузданіе уничтожаетъ величіе и энергію природы. Верхъ безумія ставить себѣ цѣлью умерщвленіе страстей!.. Прекрасная цѣль мучить себя, какъ преступника, чтобы ничего не желать, ничего не любить, ничего не чувствовать! Такой человѣкъ кончилъ-бы тѣмъ, что сдѣлался-бы чудовищемъ, если-бы онъ могъ достигъ успѣха“. Въ апологіи страстей, къ которой Дидро возвращался не разъ, мы видимъ не только реакцію средневѣковому принципу, но и неизбѣжный отвѣтъ на тотъ запросъ новыхъ нравовъ морали, который заявлялся со стороны новыхъ общественныхъ слоевъ, всплывавшихъ наверхъ въ омутъ разлагавшагося европейскаго общества. И Дидро напрягалъ всѣ усилія, чтобы поддержать эту новую мораль, освящавшую требованія человѣческой природы; онъ пускался даже въ довольно забавные софизмы. „Если-бы, говоритъ онъ, напр.,—мы были обязаны выбирать между Расиномъ—дурнымъ супругомъ, дурнымъ отцомъ, фальши-

вымъ другомъ и возвышеннымъ поэтомъ, и Расиномъ — добрымъ отцомъ, добрымъ другомъ, добрымъ мужемъ и вполне достойнымъ человѣкомъ, то я предпочелъ-бы перваго. Что осталось отъ Расина — дурного человѣка? Ничего. А отъ Расина — гениальнаго человѣка? Вѣчныя созданія!“

Обращаясь отъ мнѣній Дидро о морала къ его идеямъ о мышлении, мы прежде всего встрѣчаемся здѣсь съ той несомнѣнной для нашего времени мыслью, что отъ заблужденія можно перейти къ истинѣ только усомнившись въ первомъ, что скептицизмъ есть путь къ истинѣ. Но Дидро отнюдь не былъ крайнимъ скептикомъ. „Невѣріе, говоритъ онъ, — является часто порокомъ дурака, а легковѣріе недостаткомъ умнаго человѣка. Послѣдній далеко видитъ въ неизмѣримой области возможнаго, первый-же съ трудомъ различаетъ что-нибудь возможное за предѣлами дѣйствительнаго. Полускептицизмъ есть признакъ слабаго разсудка. Онъ характеризуетъ собою трусливаго резонера, который мучитъ себя страхомъ передъ выводами, родъ невѣрующаго, который боится показаться безъ маски даже передъ самимъ собою. Скептицизмъ служить удѣломъ не каждому; онъ предполагаетъ глубокое и безпристрастное изслѣдованіе. Кто сомнѣвается, не зная основаній вѣрованія, тотъ чистый невѣжда... Чѣмъ менѣе вѣроятенъ извѣстный фактъ, тѣмъ болѣе теряетъ вѣса свидѣтельство исторій. Я безъ труда повѣрю одному честному человѣку, если онъ мнѣ скажетъ, что король одержалъ блистательную побѣду надъ союзниками; но я не повѣрю ни одному слову, если-бы даже весь Парижъ сталъ увѣрять меня, что ожилъ какой-нибудь мертвый человѣкъ“. Этотъ скептицизмъ здраваго смысла, опиравшася на обширныя знанія, велъ Дидро отъ отрицанія къ отрицанію, отъ католицизма къ деизму, отъ деизма къ естественной религіи, которой посвящено одно изъ его лучшихъ сочиненій. Такимъ образомъ, и вопросъ о страстяхъ, и вопросъ о нравственности, и вопросъ о вѣрованіяхъ Дидро, вслѣдъ за представителями англійскаго натурализма, сводилъ къ одному принципу, къ природѣ. Вслѣдъ за англійскимъ натурализмомъ, онъ ставилъ нравственность на совершенно самостоятельную почву, отождествлялъ вѣрованіе со всѣмъ прекраснымъ и величественнымъ въ природѣ и облагораживалъ человѣка, указывая въ сердцѣ его начала добродѣтели и чувство добра. Слово *природа* выражало собою обаятельный, ве-

ликий принципъ, замѣнявшій собою силу традиціоннаго авторитета. Кто желалъ смягчить безчеловѣчную жестокость уголовныхъ наказаній или вооружался противъ пытки, уничтоженной во Франціи только революціей, тотъ обыкновенно ссылался на естественное право, которое будто-бы предшествовало всѣмъ человѣческимъ узаконеніямъ. Точно такимъ-же образомъ, всѣ, желавшіе разсѣять тьму, распространяемую измышленіями клерикаловъ, или подорвать авторитетность католическихъ учреждений и обычаевъ, ссылались на простоту, ясность и чистоту естественныхъ вѣрованій. Умы, невыносившіе стараго и равшіеся къ новому, нуждались въ какомъ-нибудь авторитетѣ для подкрѣпленія своихъ стремленій, и этимъ авторитетомъ была для нихъ *природа*.

Скептицизмъ Дидро выражался не въ однихъ только философскихъ произведеніяхъ, но и въ беллетристическихъ, которыя въ его развитіи, по выраженію Розенбранца, служили станціей сатирическо-циническаго отрицанія фривольнаго духа его времени, отъ котораго и самъ онъ не былъ совершенно свободенъ. Паденіе основъ семейной нравственности сопровождалось во Франціи, какъ извѣстно, обиліемъ крайне фривольныхъ романовъ, къ числу которыхъ относится и романъ Дидро „Софа“. Въ немъ духъ Шабамъ осужденъ Бравою переселяться изъ одной софы въ другую, пока не настанутъ извѣстныя фривольныя условія его искупленія. Однажды въ разговорѣ съ мадамъ Пюизье о сальныхъ романахъ Кребиллона Дидро началъ утверждать, что подобные романы писать очень легко, и черезъ двѣ недѣли принесъ своей возлюбленной свой уже напечатанный романъ „Нескромная драгоцѣнность“ и полученные за него 50 лудировъ. Романъ этотъ плохъ, но такъ-какъ подъ именемъ королевства Конго въ немъ изображалась Франція съ ея Людовиками и метрессами, съ ея необузданнымъ развратомъ и тупоумными академиками и т. д., то романъ этотъ имѣлъ большой успѣхъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя частности въ немъ отмѣчены печатью истиннаго таланта, какъ, напримѣръ, сновидѣніе султана, въ которомъ онъ видитъ, какъ войско карликовъ тщетно старается свалить и уничтожить бюсты великихъ философовъ и поэтовъ древности. Къ этому-же разряду произведеній относится и „Прогулка скептика“, которая еще въ рукописи попала въ руки полиціи и не была напечатана при жизни Дидро. Дидро изображаетъ двѣ алеи. Жители терновой

алеи — всё солдаты одного абсолютнаго государя, который управляет посредствомъ своего вице-короля, располагающаго множествомъ второстепенныхъ правителей разныхъ ранговъ. Они должны ходить въ бѣлыхъ одеждахъ, съ повязкою на глазахъ, и стараться не замарать своего платья и не уронить повязки. Для очищенія платья отъ пятенъ они должны употреблять мыло, которымъ въ огромномъ количествѣ торгуетъ вице-король. Эта воинственная іерархія имѣетъ кодексъ, состоящій изъ двухъ частей, которыя часто противорѣчатъ другъ другу. Обѣ части оправдываютъ свои законы не согласіемъ ихъ съ разумомъ, а ссылою ихъ на явленія ни для кого непонятныя. Эти солдаты не только ожесточенно преслѣдуютъ всякаго думающаго иначе, но и сами распадаются на нѣсколько враждебныхъ партій, сражающихся между собою изъ-за рѣшительныхъ пустяковъ или вопросовъ, рѣшеніе которыхъ недоступно никакому уму. Совершенно другую картину представляетъ изъ себя каштановая алея, жители которой предаются свободному размышленію; они тоже ведутъ упорные и ожесточенные споры, но никогда не преслѣдуютъ другъ друга. Скептики, деисты, пантеисты, атеисты, всё они занимаются каждый на свой ладъ рѣшеніемъ вопроса о бытіи. Наконецъ, жители третьей, цвѣточной, алеи предаются исключительно удовольствіямъ и единственною цѣлю ихъ образованія служить усиленіе и наибольшее разнообразіе наслажденій. Чувственность господствуетъ между ними во всёхъ формахъ, но въ то время, какъ виѣшняя поверхность ихъ жизни украшается прогулками, концертами, балами, внутреннее содержаніе этой жизни полно разврата, сладострастія, измѣны и лицемерія.

Эта аллегорія рѣшительно лишена поэзіи, но въ свое время она должна была имѣть значеніе, какъ сатирическая картина тогдашней жизни и какъ одно изъ значительныхъ проявленій того скептицизма, однимъ изъ представителей котораго былъ Дидро. Что же касается сальностей, которыхъ такъ много въ беллетристическихъ произведеніяхъ Дидро, то хотя ихъ и невозможно объяснить одними сатирическими цѣлями, но, съ другой стороны, Дидро никогда не доходилъ до тѣхъ крайностей, до которыхъ доходили многіе писатели тѣхъ дней, и всегда питалъ необыкновенное для того времени сочувствіе къ женщинамъ. Физическая слабость ея возбуждала въ немъ состраданіе, равно какъ и бремя

материнства и неравенство передъ закономъ. „Вотъ, писалъ онъ, — наступилъ моментъ, когда дѣвушка освобождается изъ-подъ власти своихъ родителей; ея воображеніе представляетъ ей будущность, наполненную химерами, ея сердце плаваетъ въ тайномъ наслажденіи. Наслаждайся, пока можешь, несчастное созданіе! Время смягчило-бы иго, которое ты оставляешь, но время усилить иго, которое ожидаетъ тебя. Ей выбрали мужа. Она дѣлается матерью. Въ болѣзняхъ, рискуя своею жизнью, въ ущербъ своимъ прелестямъ, часто во вредъ своему здоровью, она рождаетъ малютокъ. Органы, отличающіе ея, подвергаются двумъ неизлечимымъ болѣзнямъ. Можетъ быть, нѣтъ радости, которую можно-бы было сравнить съ радостью матери, смотрящей на своего первенца, но эта минута куплена слишкомъ дорого. Время идетъ, красота исчезаетъ, настаютъ годы неглижированія, тоски и скуки. Въ страданіяхъ природа освобождаетъ ее отъ материнства, въ страданіяхъ и болѣзни опасной и продолжительной она доводитъ материнство до его конца. Что-же дѣлается послѣ этого съ женщиной? Пренебрегаемая мужемъ, брошенная дѣтьми, она дѣлается ничтожествомъ въ обществѣ и можетъ рассчитывать только на сожалѣніе. Почти во всѣхъ странахъ міра жестокость законовъ угнетаетъ женщину вмѣстѣ съ жестокостью природы. Ихъ третируютъ, какъ слабоумныхъ дѣтей. У народовъ цивилизованныхъ нѣтъ той несправедливости, которой мужчина не могъ-бы безнаказанно нанести женщинѣ“. Дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей выпало на долю слѣдующаго поколѣнія, Кондорсе и другихъ, но Дидро принадлежитъ та честь, что онъ первый высказалъ ихъ въ то время, когда и въ жизни, и въ литературѣ о женщинахъ и женщинамъ говорили только пошлыми любезностями.

Въ то время, когда Дидро писалъ свои романы, онъ стоялъ еще на распутии и было неизвѣстно, что выйдетъ изъ него, останется-ли онъ сочинителемъ повѣстей, вродѣ Кребиллона, или обратится къ наукѣ, какъ его молодой другъ д'Аламберъ, имѣвшій на него большое вліяніе. Онъ раздѣлялъ съ Дидро безкорыстную любовь къ наукѣ и искуству, къ свободѣ и независимости. Онъ былъ математикъ, и Дидро вполне раздѣлялъ съ нимъ его привязанность къ математикѣ. Онъ преподавалъ эту науку, между прочимъ, въ школѣ Премонтваля, въ которой соединялись и тогдашняя наклонность французовъ къ точнымъ наукамъ, и свобода

нравовъ. Въ школѣ этой училась между прочими дочь извѣстнаго механика, дѣвица Пижонъ, обнаруживавшая огромныя дарованія. Премонтваль влюбился въ свою прекрасную ученицу, и когда она сдѣлалась беременною, обжалъ съ нею въ Швейцарію, гдѣ они и повѣнчались. Ей-то Дидро посвятилъ свои первыя работы, относящіяся къ математикѣ и физикѣ: „Основные принципы акустики“, „О сопротивленіи воздуха движенію маятника“ и т. д. Съ этого времени научные труды его не прерывались. Въ 1748 г. Реомюръ сдѣлалъ удачную операцію одной слѣпорожденной дѣвушкѣ, и хотя Дидро не удалось присутствовать при этой операціи, но по поводу ея онъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ произведеній, знаменитое „Письмо о слѣпыхъ для зрячихъ“. За два года передъ этимъ Кондильякъ напечаталъ свою книгу о происхожденіи человѣческихъ знаній, въ которой онъ излагалъ извѣстную теорію Локка, что источники нашихъ знаній лежатъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія получаютъ нашими чувствами. Знаменитая книга Кондильяка, посвященная дальнѣйшему развитію этой теоріи, вышла только въ 1754 году; въ то же время, о которомъ идетъ рѣчь, Дидро и Кондильякъ, только-что познакомившіеся, бродили вмѣстѣ съ Руссо по улицамъ Парижа, однажды въ недѣлю обѣдали вмѣстѣ въ рестораиѣ, и постоянныя бесѣды ихъ были полезны обоимъ, какъ Кондильяку для его знаменитаго трактата объ ощущеніяхъ, такъ и Дидро для его письма о слѣпыхъ.

Дидро разсказываетъ, что прусскій окулистъ Гильшеръ снялъ бѣльмо у одной дѣвушки и что въ тотъ-же день онъ съ своими друзьями посѣтилъ одного слѣпорожденнаго. Прекрасное изображеніе его полно психологическихъ и физиологическихъ наблюденій, бывшихъ въ то время такою новостью. „Глазъ, сказалъ слѣпой, — такой органъ, на который воздухъ дѣйствуетъ такъ-же, какъ моя палека на мою руку“. Дидро всесторонне анализировалъ психическое состояніе слѣпого, даже его понятія о предметахъ нравственности. Этотъ слѣпой, между прочимъ, удивлялся нашей стыдливости, вслѣдствіе которой мы стараемся прикрывать извѣстныя части тѣла. „Хотя мы, говоритъ Дидро, — живемъ въ такой вѣкъ, когда философскій духъ освободилъ насъ отъ множества предрасудковъ, но нельзя думать, чтобы мы когда-нибудь достигли такого совершеннаго игнорированія предрасудковъ, какъ

слѣпыя“. По его мнѣнію, слѣпыя вообще должны быть наклонны къ негуманности, такъ-какъ они только слышать жалобы, но не видятъ мимическаго выраженія страданій. „Наши добродѣтели, говоритъ онъ, — въ высшей степени зависать отъ нашего рода чувствованій и отъ степени впечатлѣнія, производимаго на насъ предметами“. Онъ не сомнѣвается, что безъ страха наказанія многіе люди меньше затруднились-бы убить человѣка съ отдаленной дистанціи, съ которой онъ кажется имъ величиною съ ласточку, чѣмъ задушить быка собственными руками. „Не тотъ-ли-же самый принципъ дѣйствуетъ, когда мы сочувствуемъ страданіямъ лошади и совершенно равнодушно растаптываемъ муравья? Ахъ, мадамъ, восклицаетъ Дидро, — какъ различна мораль слѣпыхъ отъ зрячихъ! Какъ различна, въ свою очередь, оказалась-бы мораль глухого отъ морали слѣплого и какую несовершенною нашло-бы нашу собственную мораль существо, одаренное однимъ чувствомъ болѣе, чѣмъ мы“...

Дидро не входитъ въ дальнѣйшій анализъ различія метафизики слѣпыхъ отъ нашей изъ опасенія, чтобы его идеи не были перетолкованы „тѣми, которые видятъ преступленіе въ каждой новой мысли“. Бросивъ нѣсколько замѣчаній объ умственномъ состояніи слѣпыхъ, Дидро переходитъ къ вопросу о томъ, какъ слѣпыя составляютъ себѣ понятіе о фигурахъ. У слѣпорожденнаго есть только одно средство познанія, и прямая линія является у него только воспоминаніемъ о томъ ощущеніи, какое онъ получалъ, проводя пальцами по натянутой ниткѣ. Мы привыкли представлять себѣ всѣ образы, даже точку, цвѣтными, между тѣмъ какъ слѣпорожденные чувствуютъ только ощущеніе точки, линіи, прямизны, кривизны и т. д. „Я не знаю ничего, говоритъ Дидро, — что лучше-бы доказывало реальность внутренняго чувства, чѣмъ та способность, которая у насъ развита слабо, у слѣпорожденныхъ-же сильно, — способность чувствовать прикосновеніе тѣлъ и вызывать эти ощущенія даже въ то время, когда они уже не дѣйствуютъ на насъ... Слепой и глухой философъ помѣстилъ-бы душу не въ мозгъ, какъ Декартъ, а въ кончикахъ пальцевъ, посредствомъ которыхъ онъ получаетъ всѣ основныя ощущенія, всѣ знанія“. Въ доказательство того, до какой высокой степени развитія можетъ достигнуть слѣпой, Дидро приводилъ въ примѣръ англійскаго математика Саундерсона, который избрѣлъ счетную ма-

шину, написал замѣчательное сочиненіе объ алгебрѣ, нашелъ дѣленіе куба на шесть равныхъ пирамидъ и т. д. Замѣчательнѣе всего, что этотъ слѣпецъ много занимался свѣтомъ и зрѣніемъ, что объясняется, по справедливому замѣчанію Дидро, тѣмъ, что Саундерсонъ работалъ не надъ физическою, а надъ математическою частью оптическихъ явленій, слѣдовательно, имѣлъ дѣло съ чистымъ абстрактномъ. Необыкновенная способность къ воспріятію впечатлѣній у Саундерсона доходила до того, что онъ, такъ-сказать, *видѣлъ кожейю*, а его привычка полагаться на одно осязаніе простиралась до такой степени, что когда передъ его смертью пасторъ заговорилъ съ нимъ о конечной причинѣ, то Саундерсонъ замѣтилъ, что для убѣжденія въ ея бытіи слѣдовало-бы ее пощупать. Къ сожалѣнію, мы не можемъ изложить здѣсь замѣчательной бесѣды этого слѣпца съ пасторомъ, въ концѣ которой Саундерсонъ впалъ на нѣсколько часовъ въ умопомѣшательство и передъ самою смертью пришелъ въ себя съ словами: „Боже Кларка и Ньютона, помилуй меня!“ По этому поводу Дидро замѣчаетъ: „какой позоръ для людей, которые не имѣютъ лучшихъ основаній, чѣмъ онъ, которые видятъ и которымъ поразительное зрѣлище природы, отъ восхода солнца до заката малѣйшихъ звѣздъ, напрасно возвѣщаетъ бытіе и славу ихъ виновника! Они живутъ, какъ слѣпцы, а Саундерсонъ умираетъ, какъ зрячій“.

Такимъ образомъ, Дидро заявляетъ себя рѣшительнымъ действомъ, но въ то-же время онъ окончательно разрываетъ съ теоріей пѣлесообразности и признается, что онъ подверженъ, особенно по ночамъ, мученіямъ сильнѣйшаго скептицизма. Даже и въ письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, этотъ скептицизмъ проглядываетъ на каждой страницѣ. „Что знаемъ мы? спрашиваетъ Дидро. — Знаемъ-ли мы, что такое матерія? Нѣтъ. Что такое духъ и мысль? Еще менѣе. Мы не знаемъ почти ничего. Несмотря на это, сколько сочиненій, авторы которыхъ воображаютъ, что они передаютъ въ нихъ какія-нибудь знанія! Я не понимаю, какъ людямъ не скучно читать и ничему не научиться“. Скептической тонъ письма описывается главнымъ образомъ на двухъ мысляхъ, во-первыхъ, на той, что у слѣпыхъ, вслѣдствіе ограниченности ихъ чувствъ, метафизика и мораль другія, чѣмъ у зрячихъ; во-вторыхъ, Дидро касается идеи, такъ великолѣпно развитой въ наши дни Дарвиномъ, что только тѣ организмы достигаютъ прочной формы рода,

которымъ удается сохраниться въ борьбѣ за существованіе и передать по наслѣдству потомкамъ свои особенности.

Окулистъ Реомюръ, дѣлавшій операцію, по поводу которой Дидро написалъ свое письмо, почему-то не допустилъ на нее никого, кромѣ г-жи Сен-Моръ. Обиженная одною замѣткою Дидро, эта барыня, любовница министра д'Аржансона, крѣпко разсердилась на писателя, и по ея милости 24 іюля 1749 года въ квартиру Дидро явился съ подобающею свитою полицейскій комисаръ Рожбрюнъ, осмотрѣлъ бумаги Дидро и предъявилъ приказъ о заключеніи его въ фортъ Венсенъ. Дидро, не желая опечалить жену, сказалъ ей, что онъ отправляется по дѣламъ и не будетъ дома обѣдать, а затѣмъ пошелъ изъ квартиры; жена Дидро изъ любопытства подошла къ окну и увидѣла экипажъ, сидя въ которомъ Дидро хотѣлъ взять корректуры, принесенныя ему мальчикомъ, но одинъ изъ сопровождавшихъ его полицейскихъ грубо оттолкнулъ его руку, протянутую за этими корректурами. Жена Дидро вскрикнула, упала въ обморокъ; придя въ чувство, она отправилась къ полицейскому лейтенанту Берье, который сказалъ ей, что она спасетъ своего мужа отъ большого горя и ускоритъ его освобожденіе, если ей удастся найти между его бумагами „бѣлаго голубя“. Дидро отвѣчала, что она никогда не читаетъ сочиненій своего мужа, занимается исключительно хозяйствомъ и ничего не знаетъ ни о бѣлыхъ, ни о черныхъ голубяхъ, но что, по всей вѣроятности, въ томъ, что пишетъ ея мужъ, нѣтъ ничего преступнаго. Берье постарался успокоить встревоженную женщину и посоветовалъ ей обратиться къ д'Аржансону. Между тѣмъ, Дидро былъ заключенъ въ одну изъ венсенскихъ башенъ и ему не дозволили имѣть ни книгъ, ни письменныхъ принадлежностей. Ему удалось, впрочемъ, тайкомъ пронести съ собою платоновскую „Апологію Сократа“ и одну часть мильтоновскаго „Рая“; онъ сдѣлалъ также собѣ чернила изъ краснаго вина и шифера, истертаго въ порошокъ, а перо изъ зубочистки. Онъ переводилъ Апологію и писалъ коментаріи къ Мильтону, для разнообразія-же занимался математикою и покрывалъ стѣны своей тюрьмы геометрическими фигурами. Это строгое заключеніе продолжалось 28 дней, по истеченіи которыхъ, благодаря хлопотамъ Вольтера, Дидро былъ помѣщенъ гораздо лучше, могъ обѣдать у начальника Венсена, гулять по парку, принимать жену и друзей. Въ числѣ

послѣднихъ былъ несчастный Жанъ-Жакъ Руссо, который такъ былъ пораженъ арестомъ Дидро, что чуть было не сошелъ съ ума. Въ одно изъ ихъ свиданій въ Венсенѣ Руссо передалъ Дидро планъ своего разсужденія о вліяніи наукъ и искусствъ на нравственность; впрочемъ, и основная идея этого разсужденія была внушена ему тѣмъ-же Дидро. „Чудесная Сивилла XVIII вѣка, восклицаетъ по этому поводу Мишле, — мощный волшебникъ Дидро! Онъ дохнулъ однажды своимъ дыханіемъ, и вотъ всталъ человѣкъ — Руссо“. Дидро часто посѣщала и г-жа Пюизье. Однажды она явилась къ нему одѣтою изысканнѣе обыкновеннаго. Дидро, давно уже подозрѣвавшій ее въ невѣрности, спросилъ, почему она такъ разфрантилась? Пюизье сказала, что ей хочется прогуляться въ Шампиньи на сельскій праздникъ. — „Только-то?“ — „Только“. — „Честное слово?“ — „Честное слово“. — Пюизье уѣхала, а Дидро въ припадкѣ ревности перелѣзъ черезъ ограду, окружающую паркъ, отправился въ Шампиньи и тамъ, тайно наблюдая за своею возлюбленною, дѣйствительно увидѣлъ ее съ соперникомъ. Это ускорило ихъ разрывъ. Вернувшись въ Венсенъ, Дидро самъ разсказалъ его начальнику о своемъ временномъ бѣгствѣ. У Дидро хотѣли вынудить признаніе, въ какой типографіи печаталось его письмо, но онъ наотрѣзъ отказался отвѣчать. Продолжительный арестъ, длившійся болѣе трехъ мѣсяцевъ, начиналъ сильно тяготить его. Подобно многимъ поэтическимъ натурамъ, Дидро былъ нѣсколько суевѣренъ и вздумалъ поворожить о своемъ будущемъ, открылъ Платона, чтобы прочесть первую попавшуюся на глаза фразу, которая была: „это кончится скоро“. Дѣйствительно, Дидро скоро освободили, вѣроятно, по какой-нибудь столь же основательной причинѣ, какъ и та, по какой арестовали его.

Дидро повелъ болѣе регулярную жизнь, чѣмъ прежде, сильно поддерживаемый дружбою мадмуазель Волянъ, которая замѣнила собою вѣроломную Пюизье и съ которой онъ велъ постоянную переписку. Внѣшняя жизнь Дидро въ эти годы была не блестяща, но онъ былъ сильно привязанъ къ своей обстановкѣ, какъ къ старому другу. Потомъ, когда эта обстановка была измѣнена, Дидро такъ сожалѣлъ о старой: „Она была такая подходящая ко всѣмъ положеніямъ и очертаніямъ моего тѣла, что нисколько не беспокоила меня. Новая-же дѣлаетъ изъ меня манекена. Если кюига покрывалась пылью, то подъ рукою была пола платья,

которою можно было стереть пыль. Если стусившіяся чернила отказывались стекать съ пера, оно обтиралось ею. Вы можете видѣть на ней длинныя черныя полосы, которыя свидѣтельствуютъ о частыхъ услугахъ, оказанныхъ ею мнѣ. Эти черныя полосы указываютъ на литератора, рабочаго, писателя. Теперь-же я похожу на богатаго шалопая. Я былъ полнымъ господиномъ моего стараго платья, теперь-же я рабъ новаго. Драконъ, сторожившій золотое руно, былъ не болѣе неутомимъ, чѣмъ я.—Старикъ, дозволившій себѣ связать себя по рукамъ и по ногамъ молодой капризной вертопрашкѣ, говорить съ утра до ночи: „охъ, гдѣ моя старая, милая экономка? Какой чортъ дернулъ меня перемѣнить ее на это созданіе!..“ Онъ вздыхаетъ и рыдаетъ. Я не рыдаю и не вздыхаю, но ежеминутно говорю: „будь проклять тотъ человѣкъ, который изобрѣлъ искусство дорогою дѣлать обыкновенную матерію, окрашивая ее въ пурпуръ! Будь проклято дорогое платье! Гдѣ моя старая, скромная, милая хламида? И это не все, мой другъ. Мое старое платье было одинаково съ остальною обстановкой. Соломенный стулъ, простой деревянный столъ, сосновыя полки съ нѣсколькими книгами, три или четыре гравюры, закопченныя дымомъ, безъ рамъ, приколотыя къ стѣнѣ за четыре угла,—все это составляло, вмѣстѣ съ моимъ старымъ одѣяніемъ, самую гармоническую скудость. И все пришло въ безпорядокъ. Нѣтъ болѣе дѣлага, нѣтъ единства, нѣтъ красоты!—Я могу выносить безъ всякаго отвращенія видъ крестьянки; кусокъ грубой ткани, порывающій ея голову, волосы, падающіе на ея щеки, лохмотья, которыя только едва прикрываютъ ея тѣло, бѣдная, вороткая рубашка, едва доходящая ниже половины ея ногъ, босыя ноги, покрытыя грязью,—все это не мутитъ меня; это образъ состоянія, которое я уважаю, это знакъ и общій сводъ положенія, которое неизбѣжно и ужасно, но которому я сочувствую всѣмъ сердцемъ. Но у меня захватываетъ дыханіе, и, несмотря на аромать, разливающійся за нею по воздуху, я отворачиваю свое лицо отъ куртизанки, изящный кружевной уборъ которой и разорванные обшлага, бѣлые чулки и изношенные башмаки показываютъ мнѣ бѣдность дня вмѣстѣ съ роскошью послѣдней ночи. Такова была бы и моя квартира, если-бы въ ней внушительный пурпуръ не заставилъ все гармонировать съ собою. Двѣ не дурныя картины Пуссеня, „Манна въ пустынѣ“ и „Эсфирь передъ Агасферомъ“, съ

позоромъ изгнаны—одна какимъ-то старикомъ Рубенса, другая „Бурею“ Вернета. Соломенный стулъ вытѣсненъ въ переднюю сафьяннымъ кресломъ. Гомеръ, Виргилій, Горацій, Цицеронъ взяты съ ихъ полокъ и помѣщены въ ящикъ тонкой работы—убѣжище, болѣе достойное ихъ, чѣмъ меня. Деревянный столъ, еще сохранялъ свое мѣсто, благодаря грудѣ памфлетовъ и бумагъ, сваленныхъ на немъ въ такомъ безпорядкѣ, что, казалось, они долго еще будутъ спасать его отъ его судьбы. Но однажды судьба все перевернула вверхъ дномъ, и, несмотря на мою лѣнь, памфлеты и бумаги были перенесены въ порядкѣ на полки дорогого бюро. Такимъ образомъ, назидательное убѣжище философа превратилось въ скандальный кабинетъ генеральнаго откупщика. Такимъ образомъ, и я нанесъ обиду національной бѣдности! О моей прежней бѣдности напоминаетъ только одинъ коверъ. Этотъ истасканный коверъ плохо мирится съ моею роскошью. Я чувствую это, но я клялся и влянусь сохранять его, какъ крестьянинъ, взятый изъ хижины во дворецъ своего господина, продолжаетъ носить свои деревянные башмаки. Когда утромъ, облеченный въ величественный пурпуръ, у вхожу въ свою комнату и вижу этотъ коверъ, то онъ напоминаетъ мнѣ мое прежнее положеніе и поднимающаяся гордость получаетъ ударъ. Нѣтъ, мой другъ, я не испортился. Моя дверь, какъ всегда, открыта нуждѣ, которая, какъ всегда, находитъ меня внимательнымъ, я вслушиваюсь въ ея рассказъ, совѣтую, сожалею, помогаю ей...

Внутренняя домашняя жизнь этого новѣйшаго Сократа была почти такъ-же незавидна, какъ и жизнь древняго Сократа. Руссо изображаетъ жену Дидро сварливой и капризной; дѣйствительно она была несердечна къ мужу, нетерпѣлива съ дѣтьми, неуживчива съ прислугой. Вотъ, напр., Дидро возвращается вечеромъ отъ Гольбаха, находитъ свою дочь больною и начинаетъ кротко и нѣжно спрашивать жену, но получаетъ отъ нея такіе грубые отвѣты, что принужденъ замолчать. Другой разъ втеченіи двухъ часовъ на него изливается цѣлый потокъ брани и несправедливыхъ упрековъ. „Ахъ, какъ часто, восклицаетъ онъ въ отчаяніи, приходило мнѣ желаніе покончить съ этой жизнью!“ Впрочемъ, въ этой жизни бывали и свѣтлые промежутки, которые заставляютъ предполагать, что въ этомъ семействѣ возможно было бы хоть какое-нибудь счастье, если-бы жена Дидро была болѣе крот-

кою и менѣе упорною въ свсихъ предразсудкахъ. Упомянутые промежутки были, впрочемъ, не часты и онъ старался заглушать свое внутреннее горе работой. „Говорю вамъ, говорю всѣмъ, писалъ онъ,—когда вы чувствуете себя скверно, тотчасъ садитесь за какую-нибудь хорошую работу. Занимаясь облегченіемъ страданій другихъ, я забываю свои собственныя“. Дидро обыкновенно работалъ безъ перерыва цѣлые мѣсяцы часовъ по десяти въ день, а иногда прихватывалъ и ночь, бросая работу только тогда, когда начиналъ чувствовать внутри себя страшный жаръ. Иногда по цѣлой недѣлѣ онъ не выходилъ изъ своего кабинета. Однажды, сильно утомленный работой, ночью онъ упалъ своею головою на письменный столъ и уснулъ, когда-же пробудился, то половина лежавшихъ на столѣ книгъ и бумагъ уже сгорѣла. Онъ скрылъ это обстоятельство отъ домашнихъ, потому что, по его словамъ, „малѣйшій намекъ на этотъ случай лишилъ-бы мою жену сна на всю ея остальную жизнь“. По воскресеньямъ Дидро ѣздилъ обыкновенно въ имѣніе Гольбаха, въ которомъ онъ послѣ 1759 г. проводилъ каждую осень недѣлю по шести, наслаждаясь сельскою свободой и обществомъ своихъ друзей, гуляя по лѣсамъ и лугамъ, работая часовъ по шести въ сутки, бесѣдуя съ хозяевами и ихъ гостями объ исторіи, политикѣ, морали, химіи, физикѣ, литературѣ, а по вечерамъ играя понемногу въ карты. Здѣсь бывали Гриммъ, „самый французскій изъ всѣхъ нѣмцевъ“, остроумный неаполитанецъ Гальяни, Мармонтель, Гельвецій. Характеристичною чертою въ этой сельской жизни Дидро была его страсть къ сильнымъ вѣтрамъ и однимъ изъ его высшихъ наслажденій было слушать бурю, какъ она гнетъ и ломаетъ деревья, заливаютъ дождемъ землю и потрясаетъ воздухъ своимъ неистовымъ ревомъ. Но у Дидро это увлеченіе грозными эффектами природы не доходило до крайности, какъ у многихъ другихъ. Существенною чертою его характера была гуманность и главнымъ предметомъ его постоянныхъ размышленій былъ жребій человѣка. Онъ любилъ, напр., бесѣдовать въ деревнѣ съ какимъ-нибудь старикомъ лѣтъ восьмидесяти. „Я люблю дѣтей и стариковъ, пишетъ онъ;—послѣдніе кажутся мнѣ какими-то странными созданіями, которыя пощадили капризъ судьбы“.

Возвращаясь послѣ этихъ отлучекъ въ Парижъ, Дидро съ усиленной энергіей принимался за свою работу, которая не только

заглушала его горе, но и была единственнымъ средствомъ для пріобрѣтенія куска хлѣба ему и его семейству. Вотъ что говорить въ одномъ мѣстѣ о необходимости работать для содержанія жены и дѣтей Дидро съ фривольною наивностью XVIII вѣка: „Потребности жизни, которыя властно распоряжаются нами, портятъ таланты, заставляя ихъ обращаться къ несвойственной имъ дѣятельности. Это одно изъ общественныхъ золъ, противъ котораго я не знаю никакихъ средствъ. Да, мой другъ, я почти готовъ думать, что это проклятое иго брака, о которомъ вы проповѣдуете совершенно такъ-же, какъ извѣстный женевакскій дуракъ проповѣдуетъ о самоубійствѣ, самъ не покушаясь на него,—что оно принижаетъ душу и разумъ. Сколько окольныхъ путей, по которымъ рѣшаются идти для жены и дѣтей своихъ, но которыми погнушались-бы для самихъ себя! Можно сказать вмѣстѣ съ Ле-Клеркомъ Монтмерси: „соломенная постель на полу, кружка воды, кусокъ черстваго хлѣба и книги и свобода слѣдовать наклонностямъ своего вкуса!“ Но позволительно-ли мужу, отцу имѣть такую гордость и не слышать жалобъ, не видѣть окружающей его бѣдности? Я пріѣзжаю въ Парижъ. Я готовлюсь вступить въ число докторовъ Сорбонны. Я встрѣчаю на своемъ пути женщину, прекрасную какъ ангелъ. Я имѣю отъ нея четырехъ дѣтей, и вотъ я принужденъ бросить математику, которую я люблю, Гомера и Виргилія, которыхъ я постоянно носилъ въ карманѣ, театръ, которому я симпатизирую; хорошо, что еще подвернулось изданіе Энциклопедіи, которой я пожертвовалъ 25 лѣтъ своей жизни.“ Редактированіе Энциклопедіи давало Дидро и опредѣленный ежегодный доходъ въ тысячу франковъ, и лучшее средство для удовлетворенія его благороднымъ просвѣтительнымъ стремленіямъ.

Еще у Аристотеля была мысль о человѣческихъ знаніяхъ, какъ объ одномъ цѣломъ, всѣ части котораго органически соединены между собой, но идея, появившаяся въ этомъ всеобъемлющемъ умѣ, не могла осуществиться въ продолженіи столѣтій. Альбертъ Великій (1193—1280) оставилъ послѣ себя первый опытъ энциклопедіи, въ которой онъ трактовалъ о бытіи универсаловъ, родовъ и видовъ, и составилъ сводъ физическихъ фактовъ, извѣстныхъ въ его время. Три или четыре другихъ средневѣковыхъ опыта въ томъ-же родѣ были еще менѣе удачны, и только во

второй половинѣ XIII вѣка появился *Opus Majus* Роджера Бэкона, который Уэвелъ называетъ вмѣстѣ и Энциклопедіей, и Новымъ Органономъ того вѣка, и сводомъ знаній, и изслѣдованіемъ объ истинномъ методѣ. Впрочемъ, это было только введеніемъ къ болѣе обширному сочиненію, которое не было окончено — *Compendium Philosophiae*. Затѣмъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ было издано нѣсколько энциклопедій во Франціи, Швейцаріи, Германіи и Англіи, но настоящимъ предшественникомъ Дидро и д'Аламбера въ этомъ дѣлѣ былъ Францискъ Бэконъ, мысль котораго о систематической классификаціи знаній вдохновляла и руководила издатель францужской Энциклопедіи. Въ объявленіи о ней Дидро писалъ: „болѣе всего мы обязаны канцлеру Бэкону, составившему планъ всеобщаго словаря наукъ и искусствъ въ такое время, когда еще, такъ-сказать, не было ни наукъ, ни искусствъ“. Но мысль Бэкона еще до французскихъ энциклопедистовъ пытались осуществить его земляки — англичане. Въ 1727 г. Чамберсъ въ Лондонѣ издалъ въ двухъ томахъ „Всеобщій словарь наукъ и искусствъ“, замѣчательный между прочимъ тѣмъ, что онъ весь былъ составленъ самимъ издателемъ; несмотря на свою дороговизну, книга эта имѣла большой успѣхъ и втеченіи 18 лѣтъ выдержала пять изданій. Лѣтъ черезъ 15 послѣ выхода этой энциклопедіи одинъ англичанинъ и одинъ нѣмецъ предложили парижскому книгопродавцу Ле-Бретону перевести ее на французскій языкъ. Ле-Бретонъ согласился, но выпросилъ привилегію на изданіе не на имя предлагающихъ, а на свое имя, и предложилъ редакцію его сначала аббату Мальвъ, а потомъ, когда дѣло съ нимъ не сошлось, Дидро, сильно нуждавшемуся въ деньгахъ. Плодовитый и энергичскій умъ Дидро преобразовалъ весь планъ изданія и вмѣсто перевода англійской энциклопедіи проектировалъ составленіе новой, въ которой были-бы соединены въ одно систематическое цѣлое всѣ открытія новѣйшей науки, всѣ стремленія тогдашней мысли. Энтузіазмъ Дидро не только увлекъ Ле-Бретона, но и доставилъ предпріятію сильныхъ покровителей. „Однажды, рассказываетъ Мишле, — еъ старому и ученому д'Агессо пришелъ молодой человекъ, литераторъ, живущій перомъ, издавшій двѣ или три книги, написанныя изъ-за куска хлѣба. Однакожь, этотъ странный человекъ сотворилъ чудо. Какъ-бы очарованный, старый мудрецъ слушалъ, какъ онъ развивалъ гигантскій планъ книги, которая

была-бы книгою книгъ. Въ его устахъ званія были свѣтомъ и жизнью. Это было болѣе, чѣмъ рѣчь,—это было творчество. Можно было подумать, что онъ самъ создалъ эти науки и еще продолжалъ работать, прибавляя, распространяя, оплодотворяя. Эффектъ былъ невѣроятный, д'Агессо былъ внѣ себя, забылъ старость, заразился отъ генія и сдѣлался великъ величіемъ другого. Онъ увѣровалъ въ молодого человѣка и оказалъ покровительство Энциклопедіи“. Капиталь Ле-Бретона былъ недостаточенъ для предпріятія, затѣяннаго въ громадныхъ размѣрахъ, и онъ пригласилъ въ соиздательство трехъ другихъ книгопродавцевъ. Что-же касается Дидро, то и онъ чувствовалъ, что не въ силахъ быть редакторомъ по всѣмъ отдѣламъ знаній, и нашелъ достойнаго сотоварища въ своемъ другѣ, уже извѣстномъ тогда членѣ философскаго кружка, д'Аламберѣ.

Побочный сынъ мадамъ Тансенъ, д'Аламберъ былъ выброшенъ ею на улицу въ одну ноябрьскую ночь 1717 г. и принятъ на воспитаніе нашедшей его доброй женщиной изъ простонародья. „Настоящими родителями гениальнаго человѣка были учителя, предшествовавшіе ему, а его настоящими потомками—достойные его ученики“, говоритъ Кондорсе. Впрочемъ, его отецъ, артиллерійскій офицеръ, нѣсколько заботился о его образованіи, выдавалъ на него деньги. У мальчика оказались самыя блестящія дарованія. Между тѣмъ какъ почти всѣ другіе энциклопедисты воспитывались у іезуитовъ, д'Аламберъ былъ ученикомъ янсенистовъ, которые ожидали видѣть въ немъ новаго Паскаля. Но онъ далеко не оправдалъ этихъ надеждъ и, выйдя изъ школы, съ пламенной страстью занялся геометріей. „Вмѣсто прежняго монашескаго обѣта бѣдности, цѣломудрія и повиновенія, говоритъ Морлей,—онъ принялъ болѣе достойный—бѣдности, истины и свободы“. Д'Аламберъ былъ такой-же неутомимый работникъ, какъ Дидро, и его математическія изслѣдованія имѣли въ свое время большое значеніе. Онъ сдѣлался знаменитостью, за нимъ стали гоняться и вовлекать его въ общество, но д'Аламберъ упорно сопротивлялся этимъ соблазнамъ. Его средства были очень ограничены, но у него никогда не возникало даже и мысли, чтобы увеличить ихъ насчетъ своей независимости или въ ущербъ своимъ любимымъ занятіямъ. Сороезъ лѣтъ прожилъ онъ въ жалкой квартирѣ бѣдной женщины, любившей и распекавшей его какъ сына. „Вы, нерѣдко кричала

она ему съ упреками, — никогда не будете больше, чѣмъ философъ, а что такое философъ? Это сьумасшедшій, который пѣлюю жизнь мучитъ себя, чтобы люди говорили о немъ послѣ его смерти“. Какъ ни соблазнительны были предложенія Фридриха Великаго, желавшаго сдѣлать д'Аламбера президентомъ берлинской академіи, но онъ отклонилъ всѣ ихъ, хотя въ сущности, не занимая этой должности, пользовался присвоеннымъ ей авторитетомъ и Фридрихъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ совѣтовался съ нимъ. Мало этого: д'Аламберъ рекомендовалъ Фридриху на мѣсто президента своего противника, знаменитаго математика Лагранжа. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Екатерина II просила д'Аламбера быть наставникомъ ея сына, но самыя блестящія условія, предложенныя императрицей, не соблазнили мудреца. Д'Аламберъ, впрочемъ, получалъ скромную пенсію изъ Берлина и отъ парижской академіи и небольшую сумму отъ версальскаго двора, но такія подачи были въ духѣ того времени и нисколько не стѣсняли независимости д'Аламбера. Подобно многимъ людямъ его положенія, д'Аламберъ пѣлюю жизнь страдалъ отъ болѣзни. Какъ Вольтеръ и Руссо, онъ родился почти умирающимъ и вплоть до своей смерти оставался хворымъ и слабосильнымъ. Нетерпѣливый, подвижный, въ высшей степени впечатлительный, онъ, однакожь, благодаря своей наружности и тонкому голосу, не производилъ того обаятельнаго впечатлѣнія въ бесѣдѣ, какъ Дидро. Въмѣстѣ съ обширными спеціальными знаніями д'Аламберъ обладалъ литературнымъ талантомъ, и Дидро не могъ найти лучшаго редактора для отдѣловъ математики и физики, чѣмъ д'Аламберъ. Ихъ союзъ былъ началомъ окончательнаго сформированія и независимости литературной профессіи; оба они были бѣдны, ни передъ кѣмъ не лакейничали, ничего не просили и даже отказывались отъ самыхъ блестящихъ предложеній. Они первые укрѣпили за литературной профессіей подобающій авторитетъ. „Счастливы литераторы, пишетъ д'Аламберъ, — если они сознаютъ, наконецъ, что самое вѣрное средство заставить уважать себя состоитъ въ томъ, чтобы жить въ союзѣ между собой и даже въ затворничествѣ отъ другихъ; что путемъ этого союза они безъ затрудненія достигнутъ того, что будутъ предписывать законы остальной націи во всѣхъ дѣлахъ вкуса и философіи; что истинно уваженіе то, которое оказывается людьми, которые сами достойны уваженія“.

Это сознание литераторами своей силы обозначало, по выражению Морлея, возникновение нового ордена учителей и отмену старого. „Высшія идеи морали принадлежали теперь уже не духовенству, а писателямъ, не официальному католицизму, но той плодотворной смѣси новыхъ понятій о человѣческомъ знаніи и человѣческомъ обществѣ, которыя обращались тогда подъ названіемъ *философій*. Всего замѣчательнѣе то, что идеи, провозглашаемыя философіей, сдѣлались источникомъ болѣе высокой жизни въ самомъ католицизмѣ. Если церковь времени революціи сдѣлала что-нибудь достойное удивленія, то это потому только, что партія энциклопедистовъ непроизвольно и неизбежно сообщила ей извѣстную долю своего собственного ясновидѣнія, твердости, нравственной энергіи и духа общественныхъ улучшеній, — ей, которая въ началѣ ихъ работы была ужаснымъ бременемъ, лежавшимъ на жизни націи. Если католицизмъ Шатобриана, Ламене и Монталамбера отличался отъ католицизма какихъ-нибудь Дюбуа или Рогана, отъ грубыхъ искаженій іезуитовъ и отвратительныхъ суевѣрій позднѣйшихъ янсенистовъ, то за эту перемену церковь и родъ человѣческой были обязаны проклинаемымъ свободнымъ мыслителямъ. Истинно просвѣщенный католикъ нашего времени долженъ согласиться, что Вольтеръ, Дидро и Руссо были истинными реформаторами его церкви... Энциклопедія сдѣлалась мощнымъ орудіемъ, содѣйствовавшимъ этому преобразованію. Она соединяла все, что было тогда лучшаго во Франціи, около знамени свѣта и общественныхъ надеждъ“. „Морскіе и сухопутные офицеры, какъ говоритъ Вольтеръ, — судьи, медики, знавшіе природу, литераторы, вкусъ которыхъ былъ очищенъ знаніемъ, геометры, физики, — всѣ соединились въ дѣлѣ, столько-же полезномъ, сколько кропотливомъ, безъ всякихъ корыстныхъ расчетовъ, даже не изъ желанія славы, такъ-какъ многіе изъ нихъ скрывали свои имена, наполець, безъ всякихъ общихъ переговоровъ и соглашеній, а потому безъ малѣйшихъ признаковъ духа партіи“. Въ числѣ сотрудниковъ Энциклопедіи мы встрѣчаемъ почти всѣ славныя имена того времени. Монтескье, умершій въ началѣ 1755 г., оставилъ послѣ себя неоконченный отрывокъ о вкусѣ. Тюрго далъ нѣсколько серьезныхъ статей и прекратилъ свое сотрудничество только тогда, когда изданіе начало окрашиваться тѣмъ духомъ партіи, который онъ считалъ враждебнымъ истинѣ. Жанъ Жакъ Руссо,

уже составившій себѣ репутацію своими мнѣніями о естественномъ равенствѣ и о развращающемъ вліяніи цивилизаціи, помѣстилъ въ первыхъ шести томахъ Энциклопедіи нѣсколько статей о музыкѣ, а Бюффонъ прислалъ издателямъ великолѣпный этюдъ о природѣ. Въ дополнительныхъ томахъ появилось нѣсколько новыхъ сотрудниковъ и между ними знаменитѣйшій фізіологъ XVIII вѣка, Галлеръ, и Кондорсе, начавшій въ этомъ изданіи свою блестящую карьеру, которая преждевременно была прервана кровавою бурей террора. Мармонтель помѣстилъ прекрасныя статьи о комедіи, похвальномъ словѣ, элогѣ, славѣ, а знаменитый основатель школы фізіократовъ, Кенэ, развивалъ здѣсь свою теорію вмѣстѣ съ практическими планами о матеріальномъ прогресѣ націй. Гольбахъ, еще ненаписавшій своей „Системы природы“, составилъ много статей о химіи и минералогіи, преимущественно по нѣмецкимъ источникамъ, а Морелли писалъ на теологическія темы, и его статьи замѣчательны тѣмъ, что онъ одинъ изъ первыхъ относился къ религіознымъ вопросамъ вполне исторически. Въ числѣ самыхъ неизмѣняемыхъ сотрудниковъ Энциклопедіи былъ кавалеръ Жюкуръ, авторъ книги о Лейбницѣ, учившійся въ Женевѣ и Лейденѣ. Онъ писалъ для Энциклопедіи съ начала и до самаго конца изданія, доставляя главнымъ образомъ статьи по естествознанію и физикѣ, но въ то-же время онъ былъ готовъ ради дорогого ему дѣла на всякую другую работу—переписку, чтеніе корректуры и т. д. „Если, говоритъ Дидро въ предисловіи къ VIII тому,—мы можемъ издать крикъ радости, подобно морякамъ, увидѣвшимъ землю послѣ темной ночи, державшей ихъ между небомъ и волнами, то этимъ мы обязаны г. Жюкуру. Чего только онъ не дѣлалъ для насъ, особенно въ послѣднее время! Съ какимъ постоянствомъ онъ противостоялъ всѣмъ увѣщаніямъ дружбы или авторитета, старавшимся отнять его у насъ. Никогда пожертвованіе своимъ спокойствіемъ, здоровьемъ или интересомъ не было болѣе безусловнымъ и болѣе полнымъ“. Кромѣ сотрудниковъ, извѣстныхъ издателямъ, съ каждымъ томомъ увеличивалось число неизвѣстныхъ, посылавшихъ имъ со всѣхъ сторонъ цѣлыя массы статей часто объ одномъ и томъ-же предметѣ, такъ что они нерѣдко затруднялись въ выборѣ ихъ. Каждый, кому только казалось, что въ головѣ у него есть новая мысль, развивалъ ее и посылалъ статью въ Энциклопедію; даже барыни участвовали въ этомъ великомъ національномъ

созданіи и пускались въ пространныя объясненія мельчайшихъ подробностей своего костюма, начиная съ какихъ-нибудь ленточныхъ бантиковъ, торчавшихъ въ волосахъ, и кончая фалборами у подошовъ ихъ рубашекъ. Старѣйшимъ сотрудникомъ былъ историкъ Ленгле-дю-Френуа, родившійся въ 1674 г., младшимъ-же — Кондорсе, родившійся почти черезъ 70 лѣтъ послѣ него, въ 1743 г. Что-же касается „патріарха философской церкви“, Вольтера, то онъ не только сотрудничалъ въ Энциклопедіи, но и съ энтузіазмомъ пропагандировалъ ея репутацію. Дидро и д'Аламберъ казались ему „Атласомъ и Геркулесомъ, держащими міръ на плечахъ своихъ“. „Энциклопедія—это величайшее созданіе въ мірѣ, гордая пирамида, ея типографія—заведеніе для образованія рода человѣческаго“ и т. д. Но вмѣстѣ съ этими восторженными похвалами Вольтеръ нерѣдко указывалъ издателямъ и на недостатки, которыхъ не мало находилъ онъ въ Энциклопедіи. Возражая на его замѣчанія и упреки, д'Аламберъ говорилъ, что Дидро не всегда можетъ принять или не принять ту или другую статью; напр., полезный сотрудникъ, доставившій нѣсколько превосходныхъ статей, настоятельно хочетъ помѣстить и свою плохую статью и т. д. „Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ,—у насъ есть плохія статьи по теологіи и метафизикѣ, но въ томъ виноваты теологи, и я приглашаю васъ исправить ихъ... Время научить людей отличать то, что мы думали, отъ того, что мы говорили“. Покрывало, которое авторы часто принуждены были набрасывать на смыслъ своихъ статей, они-же сами умѣли дѣлать прозрачнымъ для читателя посредствомъ какой-нибудь пикантной фразы, удачнаго сравненія, двусмысленнаго панегирика. И они достигали цѣли. „Наши фанатики, писалъ д'Аламберъ Вольтеру,—чувствуютъ удары, хотя и не могутъ сказать, съ какой стороны они наносятся“. Это искусство передавать мысли читателямъ такъ, чтобы ихъ не замѣчалъ клерикальный нюхъ, было, кажется, самымъ труднымъ дѣломъ энциклопедистовъ, такъ-какъ главная цѣль ихъ заключалась въ пропагандѣ. „Энциклопедія, по выраженію Геттнера,—была не мирнымъ складомъ, въ которомъ ученые и мыслители всякаго рода могли-бы пользоваться сокровищами, собранными въ немъ, но гигантскою осадною машиною и арсеналомъ оружія, служащаго для атаки“. Впрочемъ, этотъ отзывъ можетъ быть принятъ только съ ограниченіями, такъ-какъ тѣмъ

матеріаломъ, которымъ впослѣдствіи воспользовались, какъ оружіемъ для нападенія, въ другое время пользовались единственно для расширенія и организаціи своихъ знаній. Къ тому-же энциклопедисты, и въ особенности Дидро, смотрѣли дальше, чѣмъ обыкновенно смотрятъ военные люди, и заботились о томъ дѣлѣ, которое должно было начаться послѣ побѣды. „Мы, писалъ Дидро, — особенно должны заботиться о томъ, чтобы не терять изъ виду, что если мы удалимъ человѣка съ поверхности земли, то это поэтическое и возвышенное зрѣлище природы превратится въ сцену меланхоліи и молчанія. Вселенная нѣма; тьма и тишина ночи владѣютъ ею. Только присутствіе человѣка придаетъ свой интересъ бытію другихъ существъ. Почему-же намъ не поставить человѣка въ нашемъ изданіи на то-же самое мѣсто, какое онъ занимаетъ во вселенной? Почему намъ не сдѣлать его общимъ центромъ? Человѣкъ есть единственный пунктъ, отъ котораго мы должны отправляться и къ которому должны возвращаться, если мы хотимъ нравиться, интересоваться, убѣждать, даже въ самыхъ сухихъ подробностяхъ. Если вы отбросите въ сторону мое собственное существованіе и счастье моихъ ближнихъ, то что мнѣ будетъ за дѣло до всей остальной природы?“ „Въ этомъ, справедливо замѣчаетъ Морлей, — мы слышимъ голосъ новаго времени, равно какъ и въ томъ восклицаніи Дидро, что усовершенствованіе Энциклопедіи есть дѣло вѣковъ; столѣтія протекли прежде, чѣмъ было положено начало ей, и столѣтія протекутъ прежде, чѣмъ она достигнетъ совершеннаго окончанія, выпавшаго на долю потомства и существа, которое не умираетъ“...

Энциклопедія уже при самомъ своемъ началѣ возбудила противъ себя множество враговъ, особенно іезуитовъ, такъ что первая атака противъ нея была сдѣлана въ январѣ 1752 г., едва лишь успѣлъ выйти изъ печати второй томъ ея. Нападеніе это было косвенное. Въ Сорбоннѣ аббатъ Прадъ защищалъ диссертацию, въ которой патеры открыли наклонность къ деизму и локковскую теорію происхожденія идей. Диссертация была осуждена, а такъ-какъ Прадъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ къ Дидро и подозрѣвался въ составленіи нѣкоторыхъ статей для Энциклопедіи, то іезуиты и постарались эксплуатировать его дѣло во враждебномъ для энциклопедистовъ смыслѣ. Застрѣльщикомъ выступилъ архіепископъ парижскій съ своимъ пастьрскимъ посланіемъ, въ

которомъ онъ, осуждая Прада, дѣлалъ въ то-же время ясные и язвительные намеки на „нечестивыя заблужденія“, разсѣваемыя Энциклопедіей. Къ іезуитамъ присоединились янсенисты въ лицѣ епископа оксерскаго, который въ своемъ посланіи уже прямо напалъ не только на Энциклопедію, но и на Монтескье и на Бюффона. Прадъ бѣжалъ въ Берлинъ, а Дидро постарался оправдать его въ своемъ энергическомъ отвѣтѣ на пастырскія нападенія. Но никакіе аргументы, никакое краснорѣчіе не могли противостоять нападенію фанатиковъ и ханжей, и въ февралѣ 1750 г. оба вышедшіе тома Энциклопедіи были запрещены, а Дидро заставили отдать въ руки іезуитовъ всё относящіяся къ изданію бумаги, корректуры и т. д. Іезуиты хотѣли, овладѣвъ этими матеріалами для слѣдующихъ томовъ, обработать ихъ такъ, чтобы они служили ихъ собственнымъ цѣлямъ, но, по замѣчанію Гримма, захватывая бумаги Дидро, они забыли вмѣстѣ съ ними захватить его голову и его гений. Іезуиты не могли ничего подѣлать съ этими бумагами, а правительство нашло возможнымъ разрѣшить изданіе и третій томъ Энциклопедіи вышелъ осенью 1753 г. Во введеніи къ нему д'Аламберъ писалъ: „что еще можетъ измыслить злоба противъ двухъ литераторовъ, которые привыкли не бояться ни бѣдности, ни несправедливости, которые долгимъ и тяжелымъ опытомъ научились не презирать, но и не довѣрять людямъ и остерегаться ихъ, имѣютъ храбрость любить ихъ и благоразуміе удалиться отъ нихъ? Послѣ бурь и трудовъ самыхъ дорогихъ лѣтъ нашей жизни, это предпріятіе будетъ, можетъ быть, нашимъ утѣшеніемъ при концѣ ея. Да будетъ оно, когда и мы, и враги наши уже перестанемъ существовать, прочнымъ памятникомъ добрыхъ намѣреній однихъ и несправедливости другихъ!..“

Съ этого времени каждый годъ выходилъ новый томъ вплоть до осени 1757 г., когда вышелъ седьмой томъ и число подписчиковъ на изданіе возрасло до 4,000. Такой постоянно возроставшій успѣхъ Энциклопедіи болѣе и болѣе усиливалъ тревогу враговъ ея, распускавшихъ всевозможныя сплетни, осыпавшихъ инсинуаціями и грязными памфлетами д'Аламбера, Дидро, Руссо, Вольтера, Бюффона. Съ выходомъ седьмого тома эта буря еще болѣе усилилась. Д'Аламберъ недавно посѣтилъ Вольтера въ его фернейскомъ замкѣ; во время этой поѣздки онъ часто бывалъ въ Женевѣ и изъ разговоровъ съ пасторами этого города пришелъ

къ заключенію, что ихъ религіозныя мнѣнія ничто иное, какъ социанство; эту мысль онъ и развилъ въ своей статьѣ о Женевѣ, помѣщенной въ седьмомъ томѣ, причемъ, восхваляя женевскихъ проповѣдниковъ, онъ жестоко вооружался противъ французскаго духовенства. Иезуиты и ясенисты, аббаты и прелаты выходили изъ себя, читая въ этой статьѣ, что нравственность женевскихъ пасторовъ примѣрная, что „они не тратятъ своей жизни на ожесточенные споры о вещахъ непонятных“, что „они никогда не обращаются къ свѣтскимъ судамъ съ недостойными обвиненіями кого-нибудь въ inomысли“. Чтобы понять размѣры той злобы, какую возбудила въ клерикалахъ статья д'Аламбера, нужно припомнить то время, въ какое она появилась. За пять лѣтъ до нея подвергся юридическому убійству извѣстный Каласъ и почти черезъ десять лѣтъ послѣ нея былъ казненъ юноша Бара по обвиненію въ томъ, что съ другими молодыми людьми отнесся непочтительно къ капуцинской процесіи. Буря, поднявшаяся противъ Энциклопедіи, еще болѣе усилилась, когда въ 1757 г. вышла книга Гельвеція „О духѣ“, противъ которой генераль-прокуроръ началъ преслѣдованіе, равно какъ и противъ Энциклопедіи, служившей будто-бы источникомъ для Гельвеція. Судъ назначилъ девять комисаровъ для изслѣдованія вышедшихъ семи томовъ изданія, продолженіе котораго было приостановлено; недовольный этими комисарами, парламентъ назначилъ четырехъ новыхъ: двухъ теологовъ и двухъ юристовъ, но прежде, чѣмъ они кончили порученное имъ дѣло, государственный совѣтъ декретомъ своимъ отмѣнилъ привилегію, данную издателямъ Энциклопедіи, запретилъ продажу вышедшихъ уже томовъ и печатаніе слѣдующихъ. Но правительство въ этомъ случаѣ отнюдь не принимало никакихъ окончательныхъ рѣшеній и въ своихъ отношеніяхъ къ Энциклопедіи руководилось не строгимъ принципомъ, а случайными вліяніями. Запрещеніе продолжать изданіе не оставило энциклопедистовъ, работа продолжалась и 50 наборщиковъ по-прежнему были заняты ею, но выпускать книгу въ свѣтъ все-таки было нельзя. Въ 1763 году Вольтеръ сообщилъ Дидро, что русская императрица предлагаетъ ему окончить изданіе Энциклопедіи въ Ригѣ. „Что скажете вы, славный философъ, писалъ Вольтеръ, — объ этой императрицѣ? Не находите-ли вы, что ея предложеніе—жесточайшая пощечина, какая только можетъ

быть нанесена щекъ Омера? Въ какое время мы живемъ? Франція преслѣдуетъ философію, а скифы покровительствуютъ ей. Г. Шуваловъ проситъ меня получить отъ васъ согласіе на то, чтобы вы почтили Россію печатаціемъ въ ней своей Энциклопедіи“. Дидро отвѣчалъ, что Энциклопедія продолжаетъ печататься. Между тѣмъ гроза, собравшаяся надъ Энциклопедіей, не проходила, она только по временамъ затихала, чтобы снова разражаться опасными ударами; такъ, напримѣръ, правительство снова вознамѣрилось отобрать отъ редакціи всѣ рукописи, но Малербъ, которому было поручено это сдѣлать, извѣстивъ объ этомъ Дидро. Послѣдній былъ въ страшномъ затрудненіи и недоумѣвалъ, куда бы спрятать такую громаду бумагъ. „Знаете-ли что,“ сказалъ ему Малербъ, — отошлите ихъ ко мнѣ; у меня ужъ никто не будетъ искать“. Дидро отослалъ къ нему всѣ свои бумаги и онѣ уцѣлѣли.

Къ вѣдшимъ затрудненіямъ редакціи присоединились еще внутреннія. Полемика Руссо съ д'Аламберомъ о театрѣ кончилась тѣмъ, что они разошлись между собой. Въ то-же время д'Аламберъ объявилъ о своемъ намѣреніи оставить редакцію. „Я, писалъ онъ Вольтеру, — подавленъ нападками и притѣсненіями всякаго рода, которыя навлекаетъ на насъ это дѣло; злобныя и даже позорныя сатиры, которыя они печатаютъ противъ насъ и которыя пользуются не только терпимостью, но даже покровительствомъ, поощреніемъ, аплодисментами, даже составляются по приказанію людей, власть имѣющихъ; эти проповѣди или, скорѣе, звонъ набата, который гремитъ противъ насъ въ Версали въ присутствіи короля, не возбуждая ни малѣйшихъ возраженій; новая невыносимая инвизиція, которую они пустили въ ходъ противъ Энциклопедіи, — всѣ эти обстоятельства, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, заставляютъ меня распрощаться однажды и на-всегда съ этимъ проклятымъ дѣломъ“. Вольтеръ энергически протестовалъ противъ таковаго отступленія передъ „чудовищемъ“, доказывая д'Аламберу, что послѣ его выхода изъ редакціи невозможно было-бы продолжать изданіе, что этотъ выходъ былъ-бы позоренъ для него самого, тѣмъ болѣе, что „люди живутъ наканунѣ великаго переворота въ умѣ человѣческомъ, и за это они болѣе всего обязаны вамъ“. Неубѣжденія Вольтера остались напрасными и д'Аламберъ оставилъ редакцію. Не таковъ былъ Дидро. На неоднократное предложеніе Вольтера перенести изданіе въ Петербургъ или Берлинъ онъ

отвѣчалъ: „нѣтъ, бросить дѣло — значило-бы поступить именно такъ, какъ желаютъ негодяи, преслѣдующіе насъ. Если-бы вы знали, съ какою радостью они встрѣтили вѣсть о выходѣ д'Аламбера! Но что-же мы должны дѣлать? Дѣлать то, что слѣдуетъ храбрымъ людямъ — презирать нашихъ враговъ, преслѣдовать ихъ и пользоваться, какъ мы уже дѣлали, ихъ слабостями. Если мы окончимъ наше дѣло, то недостаточно-ли будетъ уже одной этой мести? Послѣ всего этого вы, пожалуй, подумаете, что я цѣпляюсь за Энциклопедію во что-бы то ни стало, но вы ошибаетесь. Мой дорогой учитель, мнѣ уже за сорокъ, мнѣ надоѣло вилать и лукавить. Съ утра до ночи я прошу отдыха, отдыха, и едва-ли проходить день безъ того, чтобы я не стремился уйти жить въ неизвѣстности и умереть съ миромъ въ глуши моей старой родины. Говорятъ, надо работать, приносить пользу людямъ. Приносить пользу людямъ! Конечно, это лучше, чѣмъ забавлять ихъ, но большое-ли различіе между философомъ и игрокомъ на флейтѣ? Они слушаютъ того и другого съ удовольствіемъ или отвращеніемъ и остаются такими же, какими были. Афиняне никогда не были порочнѣе, чѣмъ во время Сократа, и, можетъ быть, они обязаны его существованію только тѣмъ, что совершили однимъ преступленіемъ больше. Согласенъ, что во всемъ этомъ больше сплина, чѣмъ здраваго смысла, но возвращаюсь къ Энциклопедіи“. Когда до Вольтера дошла вѣсть объ упомянутыхъ уже казняхъ Каласа и Бара, онъ снова писалъ Дидро: „Невозможно удержаться не писать Сократу, когда Мелиты и Аниты купаются въ крови и зажигаютъ костры. Такой человекъ, какъ вы, можетъ смотрѣть на страну, въ которой онъ живетъ, только съ ужасомъ. Вы должны скорѣе перебраться въ страну, въ которой вы могли бы пользоваться полной свободой не только печатать, что хотите, но и громко проповѣдывать противъ постыдныхъ и кровожадныхъ суевѣрій. Я не понимаю, какъ съ чувствительнымъ сердцемъ и правдивымъ умомъ можно жить въ странѣ обезьянъ, превратившихся въ тигровъ“. Дидро отвѣчалъ: „Дорогой учитель! Я очень хорошо знаю, что если дикое животное однажды попробовало человѣческой крови, то его уже ничто не въ состояніи удержать отъ нея; я знаю, что этому животному недостаетъ пищи и оно, за невозможностью пожирать іезуитовъ, бросается на философовъ. Я знаю, что его глаза устремлены на

меня и что я буду, можетъ быть, первымъ, котораго оно проглотитъ; я очень хорошо знаю, что честный человѣкъ можетъ здѣсь въ 24 часа лишиться своего имущества, потому что они мошенники; своей чести—потому что нѣтъ законовъ; своей жизни—потому что жизнь гражданина для нихъ ничто и посредствомъ ужасающихъ дѣйствій они стараются оградить себя отъ презрѣнія... Я знаю, что они достигли пункта, съ котораго всѣ здравомыслящіе и просвѣщенные люди кажутся имъ невыносимыми. Я хорошо знаю, что, можетъ быть, еще до окончанія этого года мнѣ придется вспомнить вашъ совѣтъ и съ горечью воскликнуть: „о, Солонъ! Солонъ!“ Я не скрываю отъ себя ничего того, что вы видите; моя душа полна тревоги и я слышу голосъ, поднимающійся изъ глубины моего сердца, который вмѣстѣ съ вашимъ взываетъ ко мнѣ: „бѣги, бѣги!“ Однакожь, меня удерживаетъ какая-то глубокая и непонятная лѣнь и я остаюсь. У меня есть жена, уже пожилая, которой трудно было-бы разстаться съ своими родственниками, своими друзьями и своимъ маленькимъ очагомъ. У меня есть дочь, которую я долженъ воспитывать. У меня есть друзья. Я долженъ былъ-бы оставить этихъ утѣшителей во всѣхъ несчастіяхъ моей жизни, этихъ искреннихъ свидѣтелей моихъ поступковъ. И при этомъ я каждое утро встаю съ надеждою, что злые сдѣлались за ночь лучше, что нѣтъ болѣе фанатиковъ, что наши властители узнаютъ, наконецъ, что мы лучшіе подданные, какихъ только они имѣютъ. Это, конечно, глупость, но глупость прекрасной души, которая не можетъ долго вѣрить во зло... Дорогой другъ человѣчества, обнимаю и цѣлую васъ! Если мы не помогаемъ вамъ сокрушить животное, то оттого только, что находимся въ его когтяхъ. И если мы, зная всѣ его ужасныя свойства, не убѣгаемъ отъ него, то это зависитъ отъ условій, обаятельность которыхъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чувствительнѣе и честнѣе душа“.

Съ выходомъ д'Аламбера редакціонныя работы Дидро усилились; онъ не только писалъ статьи о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, но и распредѣлялъ работы между сотрудниками, просматривалъ рукописи, держалъ корректуру, надзиралъ за приготовленіемъ рисунковъ, составлялъ пояснительныя примѣчанія къ нимъ, и все это посреди постоянныхъ тревогъ и ожиданій новыхъ козней со стороны враговъ. Наконецъ, когда остальные десять томовъ Энциклопедіи вышли разомъ въ 1765 г., Дидро получилъ

новый ужасный ударъ. Оказалось, что трусливый издатель Ле-Бретонъ, получая отъ Дидро подписанные имъ корректурные листы, вмѣстѣ съ своимъ факторомъ вычеркивалъ цѣлыя строки и фразы, казавшіяся ему либеральными, и лучшія статьи вслѣдствіе этого являлись въ печати безобразными отрывками. Дидро узналъ объ этомъ, когда печатаніе было почти кончено. „Это открытіе, разсказываетъ Гриммъ,—привело его въ такое состояніе бѣшенства и отчаянія, какого я никогда не забуду“. Онъ плакалъ съ горя и злости въ присутствіи самого Бретона и своего семейства; въ продолженіи недѣли онъ не могъ ни ѣсть, ни спать. „Цѣлые годы, писалъ онъ Ле-Бретону,—вы подло обманывали меня. Вы убили или позволили какому-то скоту убить дѣло двадцати хорошихъ человѣкъ, посвятившихъ свое время, свои таланты и свои досуги вамъ изъ любви къ правдѣ и истинѣ, изъ простой надежды видѣть свои идеи переданными публикѣ и получить отъ нея немного заслуженнаго уваженія, которое ваша несправедливость и неблагодарность украли у нихъ“. За выходомъ послѣднихъ десяти томовъ слѣдовалъ постепенный выходъ одиннадцати томовъ рисунковъ. Преслѣдованія не прекращались. „Но, говоритъ Вольтеръ,—иностранцы раскупили четыре изданія этой французской книги, запрещенной во Франціи“. Издатели, потративъ на Энциклопедію 1,158,000 франковъ, получили отъ нея чистаго барыша 2,162,000. Энциклопедія сдѣлалась предметомъ книгопродавческихъ спекуляцій. Въ Луввѣ появился италіанскій переводъ ея, запрещенный папою, въ Лозаннѣ и Ивердонѣ перепечатки, а парижскій книгопродавецъ Панкувъ затѣялъ новое переработанное изданіе Энциклопедіи и предложилъ редакцію ея Дидро. Вотъ какъ кончилась бесѣда Дидро съ этимъ спекулянтномъ. „Господинъ Панкувъ, вездѣ, гдѣ вамъ угодно, на улицѣ, въ церкви, въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, съ кѣмъ-бы вы ни имѣли дѣло, должно говорить прилично, но это еще необходимѣе, если вы говорите съ человѣкомъ, терпѣніе котораго не больше, чѣмъ у меня, и говорите при этомъ въ его домѣ. Убирайтесь къ черту вмѣстѣ съ вашей затѣей! Я не буду работать! Если-бы вы даже дали мнѣ 20,000 лудировъ и я могъ-бы кончить вашу работу въ мгновеніе ока, то и въ такомъ случаѣ я не взялся-бы за нее! Убирайтесь вонъ и оставьте меня въ покоѣ!“

С. Шашковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НАВОБЪ.

ОЧЕРКИ ПАРИЖСКИХЪ ПРАВОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА XIII.

М и н у т а с п л и н а .

Пять часовъ пополудни. Дождь шель съ утра, сѣрое небо нависло надъ зонтиками прохожихъ, и вездѣ грязь, одна грязь. Тщетно гонять ея жидкую массу вдоль тротуаровъ механическими скребками и вывозять въ большихъ бочкахъ въ Монтрель: она мгновенно воскресаетъ вездѣ и забрызгиваетъ, по-прежнему, окна нижнихъ этажей, экипажи, лошадей, прохожихъ, такъ-что, наконецъ, невольно думаешь, не исчезнетъ-ли весь Парижъ, поглощенный его разлагающейся, мягкой почвой. Право жаль видѣть, какъ эта грязь пятнаетъ бѣлизну новыхъ домовъ, парапеты набережныхъ, колонны балеоновъ. И, однакожь, это мрачное зрѣлище веселило одно бѣдное, болѣзненное, разочарованное существо, которое, лежа на вышитомъ диванѣ, съ странною радостью смотрѣло на запотѣлыя окна и смутно видѣвшееся сквозь нихъ царство отвратительной грязи.

— Знаешь что, моя старая фея, говорила Фелиція, — я желала сегодня именно такой погоды. Посмотри, какъ все шлепаютъ въ грязи, какъ все забрызганы, какъ все отвратительны! И вездѣ грязь: на улицахъ, на тротуарахъ, въ рѣвѣ, даже на небѣ. Какъ пріятно смотрѣть на грязь, когда грустно на душѣ!

77 112

КАЛѢКА.

Я сижу у проѣзжей дороги,
Гдѣ, не зная, что значитъ печаль,
Дѣти юности гордо, какъ боги,
Беззавѣтно уносятся въ даль.
Тамъ, я знаю, на жизненномъ полѣ,
Какъ немного вы спуститесь внизъ,—
Вашу дѣтскую спѣсь поневолѣ
Не одинъ поубавитъ сюрпризъ.

Запыляете въ дорогѣ одежды,
На вѣтвяхъ пожелтѣютъ цвѣты,
И разсѣются жизнью надежды,
И замѣнятся прозой мечты.

Будетъ время: съ надломленной силой,
Какъ и мнѣ, вамъ придется сидѣть
И, средь немочей старости хилой,
На виду у проѣзжихъ истлѣть.

Мнѣ смѣшно, что впередъ безразсудно
Всѣ въ одномъ направленьи спѣшать,
Что въ покинутомъ краѣ такъ чудно,—
А никто не проходитъ назадъ!

Всѣ легли и лежать у дороги...
Но, не зная, что значитъ печаль,
Дѣти юности гордо, какъ боги,
Беззавѣтно уносятся въ даль.

С. А.

ДЖИНСЪ ДИДРО.

(Окончаніе.)

Энциклопедія обозначала собою разрывъ французскаго ума съ декартовскимъ дуализмомъ, паденіе супранатурализма и популяризацію англійскаго эмпиризма. Энциклопедисты положили основаніе тому великому возрожденію наукъ, о которомъ мечталъ Бэконъ, и въ ихъ изданіи вѣялъ духъ этого великаго философа. „Стремленія французской литературы XVIII вѣка, говоритъ Розенкранцъ, — предпочитавшія гипотезѣ опытъ, метафизикѣ фактъ, умствованію природу, были результатами бэконовскаго направленія, усвоеннаго энциклопедистами. Дидро стоялъ здѣсь совершенно на англійской почвѣ. Правда, онъ дѣлалъ иногда комплименты метафизикѣ, въ особенности антологіи, что случалось и съ Бэкономъ, но онъ ничего не сдѣлалъ для нихъ“. Дополненіемъ бэконовской логики служила психологія Локка, указавшая зависимость нашихъ представленій отъ чувственныхъ воспріятій и внутреннюю связь мышленія съ развитіемъ языка. вмѣстѣ съ тѣмъ Локкъ отвергалъ прирожденныя идеи Декарта и Лейбница, утверждая, что всѣ эти идеи состоятъ изъ тѣхъ-же ощущеній, какъ и другія представленія. Популяризируя идеи англійскихъ эмпиристовъ, энциклопедисты ставили на мѣсто прежняго абстрактнаго принципа принципъ антропологическій. Они были родоначальниками той филантропической морали, руководящими принципами которой служили разумно сознанная польза и сантиментальная симпатія. На практикѣ эта мораль сдѣлала много хорошаго, она старалась облегчить сграданія людей, реформировала богадѣльни, тюрьмы, дома умалишенныхъ, и всѣ лучшіе представители ея, Дидро, д'Аламберъ, Гельвецій, Гольбахъ, были людьми чрезвычайно гуманными и

добродушными. Мораль энциклопедистовъ вооружалась противъ традиціоннаго понятія о человѣкѣ, какъ о существѣ зломъ отъ природы, и утверждала, что отъ природы онъ добръ и дѣлается злымъ только подъ вліяніемъ дурныхъ законовъ, дурнаго воспитанія и т. д. Въмѣстѣ съ пропагандой этой естественной морали энциклопедисты устанавливали правильное воззрѣніе на природу, какъ на совокупность послѣдовательныхъ явленій, вытекающихъ одно изъ другого по закону причинности. Они указывали во вселенной дѣйствіе однихъ и тѣхъ-же законовъ и, расширяя сферу знаній человѣка, внушали ему болѣе довѣрія къ силамъ его ума и въ то-же время, показывая ему много предметовъ, лежащихъ въ области опытнаго знанія и наблюденія, они устремляли все силы на познаніе предметовъ, доступныхъ нашимъ чувствамъ и нашему уму. Такимъ образомъ человѣкъ сдѣлался главнымъ центромъ нашего знанія, а улучшеніе человѣческаго общества—главною цѣлью заботъ и стремленій людей науки и литературы. Передъ анализомъ здраваго смысла разсѣивалось обаяніе мистическихъ вліяній и въ то-же время психологія энциклопедистовъ чрезвычайно высоко ставила силу воспитанія и общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ образованія характера и нравственности. Выясняя чрезвычайное вліяніе вѣдшихъ впечатлѣній на развитіе людей, энциклопедисты направляли умы на вѣдшія условія жизни и ихъ улучшеніе. „Ихъ метафизика и психологія, говоритъ Морлей,—несмотря на всю ихъ поверхностность, внушали сильный общественный духъ, потому что онѣ были пронизаны гуманнымъ чувствомъ. Представлять себѣ Энциклопедію пропагандой отрицанія и скептицизма—значить опускаться изъ виду $\frac{4}{5}$ ея содержанія. Можно, конечно, если угодно, считать ее и отрицательнымъ дѣломъ относительно такихъ, напр., предметовъ, какъ слѣдственная пытка и смертная казнь“.

Въ энциклопедическомъ движеніи, подъ вліяніемъ гуманнаго чувства, стояли на первомъ планѣ политическіе интересы, въ широкомъ значеніи этого слова. Энциклопедія мало обращала вниманія на форму правленія, но занималась главнымъ образомъ экономическимъ положеніемъ страны, ея законами, заботилась о счастіи и благосостояніи Франціи вообще, равно какъ о хорошемъ питаніи, здоровьи и счастіи каждаго отдѣльнаго француза. Энциклопедія не давала ни новыхъ методовъ, ни новыхъ политическихъ идей. Ея оригинальные взгляды на миръ, напр., составились подъ вліяніемъ со-

чиненій Сен-Пьера, а въ массѣ другихъ политическихъ статей всюду замѣчается толчекъ, данный развитію политическихъ идей „Духомъ Законовъ“ Монтескье, съ тѣмъ только различіемъ, что философскіе принципы послѣдняго у энциклопедистовъ нѣсколько видоизмѣнились подъ вліяніемъ сильнаго патріотическаго чувства. Особенно замѣчательны своею полнотою, точностью и ясностью статьи о земледѣліи, представляющія ужасную картину тогдашняго состоянія Франціи, въ которой болѣе $\frac{1}{4}$ земель, способныхъ къ обработкѣ, лежали нетронутыми или брошенными жителями. Земледѣліе падало вслѣдствіе страшныхъ стѣсненій, давившихъ хлѣбную торговлю, убійственныхъ налоговъ и невольнаго скопленія жителей въ большихъ городскихъ центрахъ. Статьи о налогахъ, особенно о соляномъ, были настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ тогдашней системы и практики, при которыхъ, напр., люди, перемѣнившіе жилище, принуждены были еще нѣкоторое время платить налоги въ мѣстѣ ихъ прежняго жительства, фермеры и рабочіе впродолженіи года, а всѣ другіе плательщики два года, если приходѣ, въ который они переселились, лежитъ въ томъ-же самомъ округѣ; въ противномъ случаѣ фермеры должны платить два года, а всѣ другіе — три года. По поводу пропорціональнаго налога, о которомъ давно уже ходатайствовали многіе города, Энциклопедія защищала необходимость такихъ налоговъ и указывала, что введенію ихъ препятствуетъ привычка къ привилегіи. Статья о привилегіи настаиваетъ, что необходимо изслѣдовать основаніе того множества изъятій изъ общихъ правилъ о налогахъ, какое тогда существовало во Франціи, и уничтожить тѣ изъ этихъ изъятій, которыя не оправдываются ни разумомъ, ни требованіями общаго блага. Въ статьѣ о дорожныхъ повинностяхъ, которыя тогда въ одной только Лоренской равнинѣ довели до нищенства 300,000 фермеровъ, Энциклопедія изображала всю ихъ разорительность и требовала ихъ отмены десятью годами прежде, чѣмъ за это дѣло принялся Тюрго. Не менѣе дорожной повинности разоряла Францію чудовищная вербовка въ милицію, и въ коротенькой, но бьющей въ самый корень статьѣ о милиціи Энциклопедія представила поразительную картину этого зла, значительно исправленнаго черезъ нѣсколько лѣтъ Тюрго. Въ статьѣ „Ярмарка“ мы находимъ другую превосходную картину тогдашнихъ провинціальныхъ ярмарокъ, которыя своими привилегіями, изъятіями и исключеніями отлично ха-

рактизируютъ тогдашнюю торговую администрацію, одержимую маніей все контролировать и всё́мъ руководить. Несчастная Франція сильно страдала, между прочимъ, отъ дворянской дичи. „Подъ дичью, говоритъ Артуръ Юнгъ, — нужно разумѣть цѣлыя стада дикихъ кабановъ и табуны оленей, незагороженные никакими заборами или плетнями, но свободно разгуливающіе по всей странѣ, истребляя пашни и населяя галеры несчастными крестьянами, которые предпочитаютъ убивать ихъ, чтобы спасти хлѣбъ, необходимый для поддержанія ихъ безпомощныхъ дѣтей“. И Энциклопедія въ статьѣ объ охотѣ не преминула, на-сколько могла, вооружиться противъ тѣхъ правилъ, которыя губили земледѣліе и разоряли крестьянъ для того только, чтобы господа могли поохотиться.

Защищая интересы земледѣльцевъ, требуя рациональныхъ реформъ земледѣлія и въ то-же время относясь къ нему нѣсколько идилически, Энциклопедія прославляла трудъ вообще. „Она, по выраженію Морлея, — была пронизана сильнѣйшимъ энтузіазмомъ ко всё́мъ задачамъ, интересамъ и подробностямъ производства. Дидро, будучи сыномъ ремесленника, естественно старался возвысить уваженіе къ ремеслу и вынесъ изъ мастерской своего добраго отца симпатію и почтеніе къ труду и технической ловкости. Таблицы иллюстрацій, которыми Дидро посвящалъ самое серьезное вниманіе почти впродолженіи тридцати лѣтъ, не только замѣчательны своею точностью, ясностью и прекрасною отдѣлкою, но онѣ еще болѣе поражаютъ насъ тѣмъ полу-поэтическимъ чувствомъ, которое превращаетъ простое изображеніе извѣстнаго процесса въ воодушевленную сцену человѣческой жизни, волнующую чувство и трогающую воображеніе зрителя, какъ нѣчто драматическое. Хлопоты, суетня, проворство рабочихъ желѣзнаго завода, стекло-плавильная печь, пороховая мельница, шелковая лошильня воспроизведены такъ же искусно, какъ спокойная работа сыроварки, золотшвейки, аптекаря, чеканщика металовъ. Рисунки внушаютъ тотъ горячій личный интересъ къ этимъ работамъ, ту живую любовь къ дѣлу, которые составляютъ симпатическія черты хорошихъ французскихъ ремесленниковъ. Воодушевленіе, которымъ пронизаны эти громадныя томы рисунковъ, удивительно. Они производятъ такое впечатлѣніе, какъ-будто смотришь на тогдашній Парижъ съ высотъ Монмартра; когда перелистываешь томъ за то-

момъ, то словно развертывается блестящая панорама всей дѣловой жизни того времени. Заботливость о мелочахъ въ нихъ такъ-же поразительна, какъ и ихъ вразумительность. Самый незначительный инструментъ, узелокъ на ниткѣ, изгибъ пальца или заплата — все сдѣлано по особому подходящему чертежу. Читатель улыбается при видѣ полной и тщательно обработанной серіи выкроекъ портного. По всѣмъ главнымъ отдѣламъ промышленности можно найти хорошіе рисунки, которые могутъ служить практическимъ цѣлямъ. Извѣстно, что Дидро обыкновенно самъ посѣщалъ мастерскія, наблюдая за рабочими, задавая имъ тысячи вопросовъ, сидя у самыхъ станковъ, заставляя разбирать на части машины и снова собирать ихъ на своихъ глазахъ, утомляясь работой, какъ какой-нибудь подмастерье, и работая плохо, какъ онъ самъ говорить, чтобы научить другихъ работать хорошо. Не было пустою риторическою фразою, когда онъ восклицалъ, что Энциклопедія сдѣлается святилищемъ, въ которомъ человѣческое знаніе найдетъ защиту отъ времени и переворотовъ. И онъ не щадилъ трудовъ, чтобы сдѣлать ее столь полнымъ музеемъ искусствъ и ремесель, что, „въ случаѣ новаго потопа, въ которомъ-бы все погибло, для возстановленія ихъ достаточно было-бы одного экземпляра Энциклопедіи“.

Важное мѣсто, отведенное въ Энциклопедіи естественнымъ наукамъ и промышленности, свидѣтельствуетъ о томъ глубокомъ переворотѣ въ умственной и общественной жизни Европы, какой совершился въ концѣ прошлаго вѣка. На смѣну рыцарской аристократіи выступали буржуа и рабочіе, все большее и большее значеніе получалъ производительный трудъ и обнаруживалось сильное стремленіе пользоваться плодами его. Въ небольшой статейкѣ о поденщикѣ мы уже чувствуемъ вѣяніе новаго вѣка. „Поденщикъ, говорится въ ней, — есть рабочій, который работаетъ своими руками и получаетъ поденную плату. Этотъ разрядъ людей обнимаетъ собою огромную часть націи и хорошее правительство главнымъ образомъ должно имѣть въ виду ихъ положеніе. Если поденщикъ несчастенъ, несчастна вся нація“. Въ умственномъ отношеніи упомянутый переходъ состоялъ въ замѣнѣ изученія словъ и метафизики изученіемъ самыхъ предметовъ и положительнымъ знаніемъ. Ученость старинныхъ книжниковъ была противна всѣмъ энциклопедистамъ, и въ статьѣ „Библиоманія“ большое число книгъ называется „собраніемъ матеріала

для исторіи человѣческой слѣпоты и глупости“. Если умный человекъ купилъ книгу въ 12-ти томахъ и увидѣлъ, что только какихъ-нибудь 12 страницъ достойны прочтенія, то онъ, конечно, вырветъ для себя эти страницы, а все остальное броситъ въ огонь. На большихъ бібліотекахъ статья совѣтуетъ вывѣшивать надпись: „Ведламъ человѣческаго ума“. Такъ были противны энциклопедистамъ, этимъ людямъ жизни, люди мертвой буквы.

Большинство имѣетъ самое превратное понятіе объ отношеніяхъ Энциклопедіи къ религіи, считая ее орудіемъ пропаганды догматическаго атеизма. Неизвѣстно, былъ-ли Дидро въ это время атеистомъ, но въ Энциклопедіи нѣтъ и слѣдовъ атеизма и вся ея критика въ церковной сферѣ руководилась общественнымъ чувствомъ, стараясь подорвать гибельный авторитетъ клерикаловъ и водрузить во Франціи знамя терпимости. Ближайшимъ результатомъ вліянія энциклопедистовъ въ этой сферѣ было ослабленіе интереса къ чудесному и расширеніе области научныхъ понятій. Мысль секуляризировалась и люди начали съ довѣренностью смотрѣть въ будущее, основываясь на урокахъ прошлаго. Въ вступительной статьѣ къ Энциклопедіи, большая часть которой написана д'Аламберомъ, былъ данъ прекрасный очеркъ научнаго, литературнаго и умственнаго прогресса со времени возрожденія наукъ. Въ этой, по выраженію Морлея, — канонизаціи великихъ героевъ человѣческаго званія читателю дается совершенно ясное понятіе о заслугахъ Бэкона, Декарта, Ньютона, Локка, Лейбница и о постепенномъ прогрессѣ человѣческаго разума. Кромѣ того, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ другихъ, Энциклопедія вооружалась противъ средневѣковой привычки слѣплого подчиненія авторитету и учила остерегаться скороспѣлой постройки системъ.

Дидро принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи статей для Энциклопедіи. Онъ написалъ около тысячи статей объ однихъ только ремеслахъ и техникѣ, потомъ составилъ множество статей по грамматикѣ, риторикѣ, шитикѣ, морали, политикѣ, археологіи, психологіи, метафизикѣ, логикѣ, эстетикѣ и, начиная съ третьяго тома, писалъ всѣ статьи по исторіи философіи. Въ журнальной статьѣ нѣтъ никакой возможности подробно говорить объ этихъ произведеніяхъ и мы упомянемъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ статьѣ объ академіяхъ онъ набросалъ идеаль академій, въ силу котораго онъ должны хлопотать прежде всего о

научномъ образованіи и бороться какъ противъ положительнаго невѣжества, господствовавшаго съ такою силою въ вѣкъ схоластики, такъ и противъ ложнаго знанія и педантизма, развившихся послѣ возрожденія наукъ. „Это ложное знаніе или полу-знаніе заключается въ томъ, что люди, имѣя о наукѣ только самое поверхностное понятіе, считаютъ себя образованными учеными и дѣлаютъ видъ, что они постигли самыя глубокія научныя тайны. Другіе, углубившись въ одну науку и иногда даже достигнувъ въ ней важныхъ успѣховъ, впадаютъ въ гибельную односторонность и, ставя выше всего свою науку, если не презираютъ всё другія, то придаютъ имъ только второстепенное значеніе“. Эти люди, по мнѣнію Дидро, походятъ на того знаменитаго танцмейстера Марсея, который думалъ, что отъ его искусства зависитъ спасеніе общества и государства. Нашъ вѣкъ, говоритъ Дидро, — называютъ философскимъ, но его слѣдовало-бы скорѣе назвать вѣкомъ полу-знанія, чрезвычайно распространеннаго журналами и словарями, вліяніе которыхъ Дидро объясняетъ слѣдующимъ сравненіемъ. „Нѣкто желаетъ дождя для орошенія своего поля; вотъ образуется облако, оно растетъ, разрѣшается дождемъ и затопляетъ поле. Таковъ-же результатъ наводненія, произведеннаго журналами и словарями. Читатели ихъ желаютъ избавиться отъ скуки и сухости научныхъ занятій и приобрѣсть знаніе шути. Но что это за знаніе? вмѣсто соли земли, какою является небольшое число дѣйствительно ученыхъ людей, эта земля покрыта безчисленными легіонами полу-знаекъ, недостойныхъ даже того, чтобы называться навозомъ, удобряющимъ ее“. Дидро обвиняетъ знаменитыхъ людей своего времени, что они предпочли серьезному тону шутильви, который въ-концѣ-концовъ наводитъ скуку и часто превращается въ пошлость. Люди одинаково легко привыкли относиться и къ серьезнымъ, и къ ничтожнымъ предметамъ, и тѣ, и другіе имъ служатъ только для забавы и шути, для пріятнаго времяпрепровожденія этого выродившагося общества. Философы и академіи, по мнѣнію Дидро, съ своими основательными знаніями, должны объявить войну этому полу-знанію и низвергнуть въ пропасть позора и забвенія всё эти пустыне продукты нашего вѣка, какъ уже сброшены въ нее ничтожныя произведенія схоластики и педантизма, служившія предметами уваженія въ прежнія времена.

Для характеристики отношеній Энциклопедіи къ послѣдующимъ событіямъ того вѣка мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о политическихъ статьяхъ Дидро. Идеаломъ его было представительство сословій, духовенства, военнаго, землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и купцовъ. Дидро не говоритъ ничего даже о раздѣленіи властей, необходимость котораго была выяснена уже Монтескье. Революцію Дидро отвергаетъ. „Если государь дѣлаетъ несправедливость, то нація должна оказывать покорность, потому что революція незаконна, она никогда не исправитъ государя, не отменить налоговъ и только къ тому несчастію, на которое уже жаловались, присоединитъ еще новое бѣдствіе“. Говоря о причинѣ частыхъ возмущеній и переворотовъ, Дидро объясняетъ ихъ тѣмъ, что люди подвержены дурнымъ страстямъ. „Корыстолюбіе, честолюбіе, сладострастіе, мстительность управляютъ ими. Тѣ, которые должны повелѣвать, дурно исполняютъ свою обязанность, а тѣ, которые должны повиноваться, часто еще хуже. Они ограничиваютъ королевскую власть и затѣмъ сами пронибаются желаніемъ достигнуть деспотической власти. Однимъ словомъ, одни злоупотребляютъ властью, другіе — свободой...“

Кромѣ трудовъ по Энциклопедіи, у Дидро было постоянно на рукахъ множество другихъ литературныхъ работъ. Отъ Дидро осталось много діалоговъ и размышленій. Таковъ, на примѣръ, „Племянникъ Рамо“, портретъ, мастерски написанный Дидро съ натуры. Въ этомъ очеркѣ Дидро идеализировалъ дѣйствительную личность Рамо и изобразилъ типъ цѣлаго класса людей, которые, обладая талантами, злоупотребляютъ ими для своихъ низкихъ цѣлей, лѣстятъ богатымъ и знатымъ, чтобы хорошо поѣсть и попить у нихъ, доставляютъ имъ молоденькихъ дѣвицъ, составляютъ шайки клаверовъ въ театрахъ и концертахъ и живутъ какъ паразиты около своего милостивца, издѣваясь надъ нимъ за глаза. Тучный и напыщенный милостивецъ третируетъ ихъ какъ рабовъ, и когда Рамо рискнулъ однажды смѣть свое сужденіе имѣть, то его прогнали со словами: „тоже разсуждаетъ, скотина!“ Чтобы сильнѣе отгнать низость такого нравственнаго паденія, Дидро приписываетъ племяннику Рамо музыкальный талантъ и серьезное музыкальное образованіе; паразитъ Рамо становится на одномъ уровнѣ съ Дидро, когда начинаетъ разсуждать о высшихъ вопросахъ композиціи, и обнаруживаетъ страстную любовь къ му-

зыкѣ. Рамо, кромѣ того, превосходный актеръ; онъ одинаково хорошо играетъ и презрѣнныхъ рабовъ, и высокоумныхъ тирановъ. „Рамо, говорить Дидро, — одна изъ самыхъ оригинальныхъ фигуръ въ странѣ, которую Богъ обильно наградилъ ими. Онъ смѣсь возвышеннаго и низкаго, здраваго смысла и глупости; понятія о добрѣ и злѣ перемѣшаны въ его головѣ самымъ страннымъ образомъ, и онъ обнаруживаетъ добрыя свойства, которыми природа надѣлила его, безъ всякаго тщеславія, а дурныя безъ малѣйшаго стыда. Вдобавокъ ко всему, онъ одаренъ мощнымъ корпусомъ, особенно живымъ воображеніемъ и необыкновенною силою легкихъ. Если вамъ когда-нибудь случится встрѣтиться съ нимъ, то вы или заткнете пальцами свои уши, или постараетесь скорѣе улепетнуть отъ него. Боже мой, какая чудовищная пасть! Его нельзя сравнить ни съ чѣмъ. То онъ худошавъ и блѣденъ, какъ больной въ послѣдней степени истощенія, и вы можете пересчитать сквозь его щеки его зубы, можете подумать, что онъ нѣсколько дней ничего не ѣлъ или только-что вышелъ отъ трапистовъ. Но черезъ мѣсяцъ онъ бодръ и прилизанъ, какъ-будто все это время сидѣлъ за банкирской конторкой или жилъ въ монастырѣ бернардиновъ. Сегодня онъ въ грязномъ бѣльѣ, его платье разорвано или заплатано, салогъ на одной только ногѣ и онъ пробирается съ поникшею головой, такъ-что вы, пожалуй, готовы окликнуть его и сунуть ему франкъ. На-завтра-же онъ напудрентъ, завить, въ хорошемъ платьѣ, идетъ съ поднятою головой и открытымъ видомъ, такъ-что вы готовы принять его за порядочнаго человѣка. Первою его заботою, когда онъ встаетъ по утру, является мысль, гдѣ онъ будетъ обѣдать; послѣ обѣда-же онъ начинаетъ думать, гдѣ-бы поужинать. Ночь тоже приноситъ свои заботы. Онъ или забирается на какой-нибудь пустой чердакъ, или идетъ въ таверну въ какомъ-нибудь городскомъ предмѣстьѣ и ждетъ тамъ разсвѣта надъ коркой хлѣба и пивной кружкой. Когда у него нѣтъ въ карманѣ ни гроша, какъ это иногда случается, то онъ помѣщается въ наемной каретѣ, принадлежащей другу, или обращается къ кучеру знатнаго барина, который пускаетъ его спать на соломѣ вмѣстѣ съ лошадьми. Утромъ онъ еще носить въ своихъ волосахъ слѣды своего ложа. Если погода хороша, то цѣлую ночь онъ шатается по Елисейскимъ полямъ.

Утромъ онъ вновь появляется въ городѣ, одѣтый еще съ ночи, а иногда и съ утра, на всю остальную недѣлю“.

Этотъ типъ является Мефистофелемъ XVIII вѣка, продуктомъ порчи французскаго общества. Вотъ, напримѣръ, какой разговоръ ведетъ Рамо съ Дидро.

„Онъ. Прежде, бывало, подъ предлогомъ музыкальныхъ уроковъ я воровалъ у учениковъ деньги.

„Я. И вы воровали безъ угрызенія совѣсти?

„Онъ. Конечно, безъ угрызенія. Пословица говоритъ, что если воръ обкрадываетъ вора, то чортъ смѣется. Родители были готовы лопнуть отъ богатства, которое досталось имъ Богъ знаетъ какими путями. Это были люди, тершіеся при дворѣ, финансисты, крупные комерсанты, банкиры. Я помогалъ имъ облегчиться рвотю, — я и всѣ другіе, которые служили имъ. Въ природѣ всѣ виды животныхъ пожираютъ другъ друга, всѣ классы общества тоже пожираютъ другъ друга. Мы должны наказывать однихъ за другихъ безъ всякаго вмѣшательства. Прежде Дешампъ, а теперь Гимаръ мститъ государю за финансистовъ, а портной, ювелиръ, обойщикъ, чулочникъ, суконщикъ, горничная, поварь, сѣдельникъ мстятъ финансисту за Дешампа. Въ концѣ концовъ только дуракъ или какой-нибудь лежебокъ терпитъ несправедливость, не причиняя ей въ свою очередь.

„Я. Я удивляюсь вамъ.

„Онъ. А бѣдность? Голосъ совѣсти и чести страшно слабъ, когда кричитъ брюхо. Достаточно сказать, что если я когда-нибудь сдѣлаюсь богатъ...

„Я. Боюсь, едва-ли вы когда будете богаты.

„Онъ. Я самъ подозреваю это.

„Я. Но если-бы это случилось, что тогда?

„Онъ. Я былъ-бы самымъ нахальнымъ самодуромъ, какого когда-либо видывали! Я собралъ-бы всѣхъ, отъ которыхъ только доставалось мнѣ, и отплатилъ-бы имъ съ хорошими процентами за все, что только они сдѣлали мнѣ. Я люблю повелѣвать, и я буду повелѣвать. Я люблю похвалы, и я заставлю ихъ хвалить себя. Я буду содержать цѣлую толпу льстецовъ, паразитовъ и шутовъ и буду говорить имъ, какъ они говорили мнѣ: „ну, канальи, забавляйте меня“, и меня будутъ забавлять; „разорвите въ клочки честнаго человѣка“, и они разорвутъ въ клочки, если

только смогутъ найти честнаго человѣка. Мы будемъ веселиться за своими чашами, будемъ предаваться порокамъ и самодурствамъ всякаго рода; это будетъ великолѣпно. Мы докажемъ, что у Вольтера нѣтъ гениа, что Бюффонъ, вѣчно взбирающійся на ходули, только пустой декламаторъ, что Монтескье не болѣе, какъ человѣкъ, обладающій крошечкой таланта, и прогонимъ д'Аламбера къ его заплесневѣвшей математикѣ.

„Я. Если вы такъ достойно распорядились-бы своими богатствами, то я очень сожалѣю, что вы нищій. Вы повели-бы образъ жизни, вполне достойный рода человѣческаго, вполне полезный вашимъ согражданамъ и вполне почетный для васъ самихъ.

„Онъ. Вы смѣетесь надо мной, г. философъ! Но вы не знаете, надъ кѣмъ смѣетесь! Вы и не подозреваете, что въ настоящую минуту я служу представителемъ самой важной части города и двора. Наши миліонеры всѣхъ сортовъ, говорили или не говорили про себя то-же самое, что я сейчасъ говорилъ вамъ, но фактъ тотъ, что жизнь, какую я повелъ-бы, совершенно одинакова съ ихъ жизнью. Вы думаете, что одинъ и тотъ-же родъ счастья назначенъ всѣмъ? Странное заблужденіе! У васъ извѣстный романтическій духъ, котораго мы не знаемъ, оригинальный характеръ, особенный вкусъ. Вы все это читаете подъ именемъ философіи, но позвольте, для всѣхъ-ли существуютъ добродѣтель и философія? Ихъ имѣеть только тотъ, кто можетъ усвоить ихъ. Вообразите весь міръ мудрымъ и философскимъ, и согласитесь, что онъ былъ-бы дьявольски мрачнымъ мѣстомъ. Пить хорошія вина, набивать желудокъ вкусными яствами, предаваться покою и отдыху,—кромѣ этого все остальное, рѣшительно все, пустяки и душевное безпокойство!

„Я. А защищать свою родину?

„Онъ. Пустяки! никакой родины болѣе нѣтъ: отъ одного полюса до другого я вижу только тирановъ да рабовъ.

„Я. А помогать друзьямъ?

„Онъ. Пустяки! У кого есть друзья? А если есть, то должны-ли мы дѣлать ихъ неблагодарными? Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что это только вы и дѣлаете, оказывая имъ услуги. Благодарность есть бремя, а бремя для того только и существуетъ, чтобы старались избавиться отъ него.

„Я. А искать себѣ положенія въ обществѣ и исполнять свои обязанности?

„Онъ. Пустяки! Что за важность, имѣете-ли вы положеніе или нѣтъ, коль скоро вы богаты и искали этого положенія для того, чтобы быть богатымъ? Исполнять свою обязанность, но для чего? Чтобы возбуждать зависть, смуты, преслѣдованія? Этими-ли путемъ успѣваютъ? Нѣтъ, слѣдуетъ видаться съ вельможами, льстить имъ, изучать ихъ вкусъ, преклоняться предъ ихъ фантазіями, восхвалять ихъ несправедливость—вотъ въ чемъ секретъ.

„Я. А наблюдать за воспитаніемъ своихъ дѣтей?

„Онъ. Опять-же пустяки! Это дѣло учителя.

„Я. Но если учитель, усвоивъ себѣ ваши принципы, не исполняетъ своихъ обязанностей, то кто поплатится за то?

„Онъ. Ужъ ни въ какомъ случаѣ не я, а вѣрнѣе всего—мужъ моей дочери или жена моего сына.

„Я. Но предположите, что оба они погрязнутъ въ пороки и развратъ.

„Онъ. Что-жь, это естественно въ ихъ положеніи!

„Я. Предположите, что они навлекутъ на себя безчестіе.

„Онъ. Если только вы богаты, то никогда не навлечете на себя безчестія, что-бы вы ни дѣлали.

„Я. Но если они разорятся?

„Онъ. Тѣмъ хуже для нихъ!

„Я. Вы не будете обращать большого вниманія на вашу жену?

„Онъ. Ни малѣйшаго, если вамъ угодно! Я думаю, лучшее удовольствіе, какое только мужъ можетъ доставить своей дражайшей половинѣ, состоитъ въ дозволеніи ей дѣлать, что угодно. Думаете-ли вы, что общество было-бы столь привлекательнымъ, если-бы каждый въ немъ обращалъ постоянно вниманіе на свои дѣла?

„Я. Почему-же нѣтъ? Вечеръ никогда мнѣ такъ не пріятенъ, какъ послѣ утра, которымъ я остался доволенъ.

„Онъ. И я также.

„Я. Что дѣлаютъ свѣтскихъ людей столь лавомыми въ ихъ удовольствіяхъ, такъ это ихъ полная праздность.

„Онъ. Пожалуйста, не думайте этого: у нихъ множество заботъ.

„Я. Такъ-какъ они никогда не утомляются, то никогда и не наслаждаются отдыхомъ.

„Онъ. Не предполагайте и этого. Они постоянно измучены.

„Я. Наслажденіе для нихъ служить занятіемъ, а вовсе не удовлетвореніемъ потребности. Ихъ духъ тупѣетъ, скука удручаетъ ихъ. Я не пренебрегаю удовольствіями чувствъ, у меня есть нѣбо, которому нравится хорошее кушанье и тонкое вино, у меня есть глаза и сердце и я люблю смотрѣть на красивую женщину. По временамъ веселая компанія друзей не непріятна мнѣ. Но не скрою отъ васъ, что мнѣ безконечно пріятнѣе помочь несчастному, подать спасительный совѣтъ, кончить какое-нибудь трудное дѣло, прочесть хорошую книгу, прогуляться съ женщиной или съ женщиной, дорогими для меня, провести поучительный часъ съ моими дѣтьми, написать хорошую страницу, сказать любимой женщинѣ нѣжное слово, которое заставитъ ее обнять меня. Мнѣ извѣстны дѣйствія, за которыя я отдалъ-бы все, что имѣю, чтобы только быть въ состояніи совершить ихъ. „Малометъ“ прекрасная пьеса, но я во сто разъ сильнѣе хотѣлъ-бы оказать справедливость памяти Каласа“.

Въ послѣднихъ строкахъ Дидро излагаетъ свою теорію „умѣреннаго, разумнаго эгоизма“, между тѣмъ какъ идеи Рамо являются моралью дрянного софиста XVIII вѣка, употребляющаго все силы своего ума, чтобы подорвать тѣ основы, на которыхъ покоится воспитавшее его общество, выродившееся до того, что не замѣчаетъ даже, какъ оно совершаетъ надъ собою актъ самоубійства...

Изъ другихъ діалоговъ Дидро мы возьмемъ еще „Бесѣду отца съ своими дѣтьми“. Почтенный и любимый отецъ Дидро сидитъ въ креслѣ передъ каминомъ въ средѣ двухъ своихъ сыновей и дочери и рассказываетъ имъ, какъ однажды онъ чуть было не погубилъ ихъ наслѣдства. Умеръ одинъ старый священникъ, оставивъ послѣ себя значительное состояніе. Все думали, что завѣщанія нѣтъ и что имущество должно перейти къ ближайшимъ родственникамъ, людямъ бѣднымъ, и спасти ихъ отъ нищеты. Эти родственники назначили старшаго Дидро для наблюденія за ихъ интересами и раздѣленія между ними наслѣдства. Но Дидро совершенно неожиданно, въ старомъ ящикѣ, среди писемъ, рецептовъ и другихъ негодныхъ бумагъ, нашелъ давно уже составленное, но, вѣроятно, забытое священникомъ завѣщаніе, по которому все наслѣдство должно было перейти къ одному богатому париж-

своему книгопродавцу. Не было никакого сомнѣнія, что старый патеръ забылъ объ этомъ завѣщаніи и такимъ образомъ допустилъ совершиться возмутительной несправедливости. Не исполнить-ли Дидро дѣйствительно желаніе покойника, если бросить это завѣщаніе въ огонь?

Въ этотъ моментъ разсказа въ комнату входитъ докторъ и беседа прерывается. Докторъ говоритъ, что онъ сейчасъ былъ у большого преступника, присужденнаго къ висѣлицѣ. Дидро младшій начинаетъ упрекать его, что онъ хлопочетъ о продленіи жизни человѣка, котораго слѣдовало-бы поскорѣе отправить въ могилу. Медикъ обязанъ сказать подобному пациенту: „умирай, и пусть не говорятъ, что, благодаря моему искусству, на землѣ однимъ чудовищемъ больше“. Докторъ опровергаетъ это мнѣніе замѣчаніемъ: „я обязанъ лечить, а не судить; я долженъ лечить его, потому что это мое дѣло, а потомъ судья повѣситъ его, это ужъ его дѣло“.

Послѣ этого эпизодическаго перерыва продолжается разсказъ отца, который въ то время, какъ готовъ былъ сожечь завѣщаніе, почувствовалъ нѣкоторую тревогу совѣсти и отправился посоветоваться къ приходскому священнику, искусному въ казуистикѣ. Священникъ сказалъ ему:

„— Ваши чувства состраданія къ этимъ несчастнымъ людямъ выше всякой похвалы. Уничтожить завѣщаніе и помочь имъ — доброе дѣло, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы уплатить законному наследнику ни болѣе, ни менѣе, какъ ту сумму, какой вы лишите его. Кто уполномочилъ васъ давать санкцію документамъ или лишать ихъ ея? Кто уполномочивалъ васъ истолковывать намѣренія покойника?“

„— Но старый ящикъ, отецъ Буень?“

„— Кто уполномочивалъ васъ рѣшать, было-ли брошено въ него завѣщаніе преднамѣренно или попало случайно? Развѣ не случилось съ вами что-нибудь подобное, развѣ не случилось вамъ находить на днѣ какаго-нибудь ящика важную бумагу, которую вы въ разсѣянности засунули въ него?“

„— Но, отецъ Буень, давность завѣщанія и его несправедливость?“

„— Кто уполномочилъ васъ судить о справедливости или несправедливости документа и считать завѣщанное несправедливымъ да-

ромъ, а не какою-нибудь уплатою или другимъ законнымъ актомъ, какой только вы можете себѣ представить?

„ — Но эти бѣдные родственники, жившіе въ одномъ съ нимъ мѣстѣ, и тотъ дальній богатый родственникъ?

„ — Кто уполномочивалъ васъ судить о томъ, чѣмъ покойникъ былъ обязанъ этому дальнему родственнику, котораго вы не знаете?

„ — Но, отецъ Буенъ, эта груда писемъ отъ наслѣдника, которыхъ покойникъ не хотѣлъ даже распечатывать?

„ — Дѣло идетъ ни о старомъ ящикѣ, ни о давности завѣщанія, ни о письмахъ, ни объ отцѣ Буенѣ, ни о *если*, ни о *но*. Никто не имѣетъ права нарушать законы, входить въ намѣренія покойника или распорядиться чужою собственностью. Если Провидѣніе рѣшило наказать или наслѣдниковъ по закону, или наслѣдника по завѣщанію, или завѣщателя, — мы не можемъ связать, кого изъ нихъ именно, — посредствомъ случайнаго сохраненія завѣщанія, то послѣднее должно оставаться въ силѣ“.

Дидро вооружается противъ всего этого съ своею обычной горячностью, а его братъ, аббатъ, стоитъ за безусловное уваженіе закона. Въ это время входитъ соседній поденьщикъ, и представляется новый случай для разсужденій о правѣ и нравственности. Жена его умерла послѣ 20-ти-лѣтней болѣзни, и въ эти 20 лѣтъ онъ истратилъ на ея леченіе все, что онъ могъ-бы сберечь себѣ на старость. Но ея приданое осталось нетронутымъ и по закону должно перейти къ ея родственникамъ. По справедливости, эти деньги должны поступить къ нему, и онъ спрашиваетъ совѣта у собесѣдниковъ. Одинъ совѣтуетъ взять деньги, другой говоритъ, что это противозаконно, третій думаетъ, что онъ прекрасно сдѣлаетъ, если вознаградитъ себя за расходы на леченіе жены. Отецъ Дидро кричитъ, что это наслѣдство не пойдетъ ему впрокъ. — „Нѣтъ, восклицаетъ вдругъ поденьщикъ, — я отправлюсь въ Женеву!“ — „Неужели ты думаешь, что упреки совѣсти останутся здѣсь?“ — „Не знаю, только я отправлюсь въ Женеву“. — „Ступай куда хочешь, но твоя совѣсть всюду найдетъ тебя“. — Поденьщикъ ушелъ. Его странный отвѣтъ сдѣлался предметомъ разговора. „Мы соглашались, что, можетъ быть, разстоянія мѣста и времени могутъ ослаблять болѣе или менѣе всѣ чувствованія и заглушать голосъ совѣсти, даже въ случаѣ крупнаго преступленія. Убійца, перенесенный на берега Китая, будетъ слишкомъ далеко“

чтобы чувствовать близость трупа, который онъ оставилъ на берегахъ Сены истекающимъ кровью. Упреки совѣсти зависятъ, можетъ быть, менѣе отъ страха самого себя, чѣмъ отъ боязни другихъ, менѣе отъ стыда за свой поступокъ, чѣмъ отъ позора и наказанія, имѣющихъ послѣдовать за его открытіемъ. Тайный преступникъ боится, что ему измѣнить какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство или необдуманное слово. Можетъ-ли быть онъ увѣреннымъ, что его тайна не откроется въ горячечномъ бреду или во снѣ! Его поняли-бы, если-бы онъ оставался на мѣстѣ преступления, но въ Китаѣ люди не имѣли-бы ключа къ его словамъ“.

Затѣмъ были разсказаны еще двѣ исторіи. Въ одной изъ нихъ честный башмачникъ въ Мессинѣ, опечаленный беззаконіями и всевозможными преступленіями, которыя оставались безнаказанными, благодаря продажности судей, составилъ планъ мщенія. Онъ учредилъ въ своей мастерской секретный судъ, выслушивалъ свидѣтелей, произносилъ приговоръ и отправлялся выполнять его съ ружьемъ, спрятаннымъ подъ платьемъ. Послѣ того, какъ онъ казнилъ такимъ образомъ около 50 преступниковъ, вице-король опредѣлилъ награду въ 2,000 кронъ тому, кто откроетъ убійцу этихъ казненныхъ, и поклялся передъ алтаремъ, что убійца будетъ вполне прощенъ, если явится самъ. Башмачникъ явился самъ и сказалъ: „я сдѣлалъ то, что были обязаны сдѣлать вы. Я осудилъ и предалъ смерти злодѣевъ, которыхъ должны были казнить вы. Вотъ вамъ доказательства ихъ преступленій. Изъ нихъ вы увидите судебный процессъ, которому я слѣдовалъ. Я хотѣлъ-было начать съ васъ, но я уважалъ въ вашемъ лицѣ августѣйшаго государя, котораго вы представляете. Моя жизнь въ вашихъ рукахъ; располагайте ею, какъ найдете справедливымъ“. Аббатъ былъ того мнѣнія, что башмачникъ, несмотря на его ревность къ справедливости, просто убійца. Дидро протестовалъ, но его отецъ высказался за мнѣніе аббата. Когда-же отецъ отправился спать, то Дидро шепнулъ ему на ухо: „строго говоря, батюшка, нѣтъ законовъ для мудраго. Всякое правило имѣетъ исключеніе, и дѣло мудраго рѣшать, въ какихъ случаяхъ онъ долженъ подчиняться законамъ и въ какихъ нарушать ихъ“. — „Я не безпокоился-бы, отвѣчалъ отецъ, — если-бы здѣсь въ городѣ былъ одинъ или два такихъ гражданина, какъ ты, но я ни за что не остался-бы жить здѣсь, если-бы все думали такимъ образомъ“.

Этотъ діалогъ, очевидно, направленъ противъ тогдашняго разложившагося французскаго общества, въ которомъ іезуиты и юристы выработали цѣлую систему софизмовъ, оправдывавшихъ нарушение строгихъ правилъ морали и справедливости. Но въ то-же время Дидро высказывается и противъ стариннаго римскаго принципа: „пусть гибнетъ міръ, лишь-бы торжествовало правосудіе“. Еще болѣе замѣчательенъ діалогъ, озаглавленный „Дополненіе къ путешествіямъ Бугенвиля“. Бугенвиль былъ первый французъ, совершившій плаваніе вокругъ свѣта. Его путешествіе вышло въ 1771 г., и картина жизни среди первобытныхъ дикарей южнаго моря оказалась какъ нельзя болѣе подходящею къ тогдашнимъ стремленіямъ къ природѣ и естественному состоянію. Ею былъ тронутъ въ особенности Руссо, Дидро же воспользовался ею для того, чтобы заставить разсуждать отаитянина съ европейцемъ о нашей моногаміи и нерасторжимомъ бракѣ. Въ лицѣ этого отаитянина Дидро сдѣлалъ блестящій анализъ отношеній, неизбежно вытекающихъ изъ господствующей въ Европѣ брачной формы.

Романъ „La Religieuse“ написанъ увлекательно, и негодованіе, возбужденное имъ противъ тогдашнихъ католическихъ монастырей, было громадно, но, благодаря своему патологическому сюжету, онъ попалъ въ число книгъ, которыя можно читать не всякому. Другой романъ Дидро, „Жакъ Фаталистъ“, можно читать всякому. Господинъ и слуга путешествуютъ и, останавливаясь въ гостинницахъ, бесѣдуютъ другъ съ другомъ, съ хозяевами и съ другими путешественниками, причемъ рассказы ихъ то-и-дѣло прерываются какимъ-нибудь случаемъ или вопросомъ собесѣдника. Господинъ неразлученъ съ своимъ слугою, Жакомъ, который и доказываетъ, что судьба связала ихъ такимъ образомъ, что онъ въ сущности является не слугою, а бариномъ своего барина, что безъ него баринъ погибъ-бы, такъ-какъ не даромъ-же о нихъ сложилась поговорка: „Жакъ руководитъ своимъ бариномъ“. Однажды между ними произошла бурная сцена по поводу того, что баринъ велѣлъ Жаку отправляться спать въ нижній этажъ и оставить его одного; они продолжали кричать другъ другу: „ты спустишься“, — „нѣтъ, не спущусь“ до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не вмѣшалась трактирщица и не повела Жака подъ руку. Но едва онъ вышелъ за порогъ, какъ баринъ, тронутый его покорностью, бросается за

нимъ со слезами на глазахъ, обнимаетъ его и трактирщицу, ведетъ назадъ своего друга Жака и общается, что сегодняшній случай никогда больше не повторится. Весь романъ состоитъ изъ множества разсказовъ, вся прелесть которыхъ рѣшительно улетучивается въ сокращенномъ изложеніи, подробная-же передача ихъ заняла-бы слишкомъ много мѣста. Разсказы эти ничѣмъ не связаны между собой и романъ не имѣетъ никакой общей тенденціи, кромѣ развѣ той, что вѣра Жака въ предопредѣленіе опровергается на каждомъ шагѣ разными случаями.

Еще въ юности Дидро началъ бороться противъ ходульнаго псевдо-классицизма, а впоследствии своею театральною критикою и своими драматическими произведеніями („Отецъ семейства“, „Побочный сынъ“ и т. д.) онъ еще болѣе подорвалъ классическіе авторитеты и, введя на сцену трогательную комедію и домашнюю трагедію, вывелъ французскій театръ на путь реализма, хотя и не могъ окончательно освободиться отъ фальшивой морализаціи и слезливости. Какъ въ своихъ опытахъ по драматургіи, такъ и въ критическихъ статьяхъ о музыкѣ и живописи Дидро требовалъ прежде всего естественности. Тогдашніе французы давно уже потеряли вкусъ къ красотамъ „неукрашенной“ природы, Дидро-же стремился къ природѣ, какъ она есть, и къ изученію народной жизни въ ремесленникахъ, крестьянахъ, рыбакахъ, охотникахъ, нищихъ. При такой наклонности Дидро понятно, что онъ, вопреки своимъ современникамъ, относился къ Шекспиру съ какимъ-то боязливымъ удивленіемъ. „Я не буду сравнивать Шекспира, писалъ онъ,—ни съ Аполономъ Бельведерскимъ, ни съ капитолійскимъ гладиаторомъ или Антиноемъ, но сравню со святымъ Христофоромъ въ „Notre Dame“, колоссомъ, который безобразенъ и безвкусенъ, но между ногами котораго мы можемъ свободно пройти“.

Что-же касается философскихъ взглядовъ Дидро, то, измѣняясь въ теченіи долгихъ лѣтъ, они окончательно сформировались около 1770 г., когда былъ напечатанъ его знаменитый „Разговоръ съ д'Аламберомъ“. Дидро держался того мнѣнія, что всѣ элементы природы обладаютъ извѣстною чувствительностію, которой д'Аламберъ не допускалъ, замѣчая, что въ такомъ случаѣ и камень долженъ былъ-бы чувствовать.

„Дидро. Почему-же и нѣтъ? Чувствительность похожа на дви-
„Дѣло“, № 12, 1877 г.

женіе. Движенія одинаковы и въ подвижныхъ, и въ неподвижныхъ тѣлахъ. Уничтожьте препятствіе, мѣшающее мѣстному передвиженію неподвижнаго тѣла, и оно перемѣнитъ мѣсто. Отнимите внезапно воздухъ, окружающій этотъ огромный дубовый стволъ, и находящаяся въ немъ вода разорветъ его на тысячу обломковъ. То-же самое было-бы и съ вашимъ собственнымъ тѣломъ.

„Д'Аламберъ. Можетъ быть. Но что-же за связь между движеніемъ и чувствительностью? Можетъ быть, вы признаете дѣятельную и недѣятельную чувствительность, какъ есть живая сила и мертвая сила; живая, которая обнаруживается перемѣщеніемъ, и мертвая, которая обнаруживается давленіемъ; можетъ быть, по-вашему, дѣятельная чувствительность характеризуется извѣстными дѣйствіями, замѣчаемыми въ животномъ и, можетъ быть, въ растеніи, а въ недѣятельной чувствительности можно убѣдиться при переходѣ ея въ состояніе дѣятельной чувствительности.

„Дидро. Прекрасно. Именно такъ.

„Д'Аламберъ. Такимъ образомъ, природа имѣетъ только недѣятельную чувствительность, а человѣкъ, животное, можетъ быть, даже растеніе, одарены дѣятельною чувствительностью. Но я не понимаю, какимъ образомъ можно переводить тѣло изъ состоянія недѣятельной чувствительности въ состояніе дѣятельной.

„Дидро. Это явленіе случается, когда вы ѣдите, потому что что вы тогда дѣлаете? Вы устраняете препятствіе, которое встрѣчаетъ чувствительность питательныхъ веществъ. Вы уподобляете ихъ себѣ, вы дѣлаете изъ нихъ мясо, вы анимализируете ихъ, дѣлаете чувствительными. То-же самое я могу сдѣлать съ мраморомъ. Я сдѣлаю его съѣдомымъ. Я превращаю кусокъ мрамора въ порошокъ. Сдѣлавъ его нечувствительною пылью, я мѣшаю эту пыль съ черноземомъ или растительной землей, перемѣшиваю ихъ виѣстѣ, поливаю водой, даю ей гнить годъ, два года, цѣлое столѣтіе, потому что время для меня неважно. Когда изъ всего этого выйдетъ почти однообразная масса, то знаете-ли вы, что я сдѣлаю съ нею?

„Д'Аламберъ. Конечно, вы не будете ѣсть эту землю.

„Д. Конечно. Но между мной и землей возможно соединеніе, усвоеніе.

„Д. А. Посредствомъ растенія?

„Д. Прекрасно. Я сѣю на этой землѣ горохъ, бобы, капусту;

растенія питаются землею, а я питаюсь растеніями. Такимъ образомъ, я произвожу чувствительную матерію и если не рѣшаю поставленной вами задачи, то, по крайней мѣрѣ, значительно приближаюсь къ ней, такъ-какъ вы, конечно, согласитесь, что отъ куска мрамора до чувствующаго существа гораздо дальше, чѣмъ отъ существа, которое чувствуетъ, до существа, которое думаетъ.

„Д’А. Конечно. Но вѣдь чувствующее существо не есть еще существо думающее.

„Д. Можете-ли вы мнѣ сказать, въ чемъ заключается бытіе чувствующаго существа относительно его самого?

„Д’А. Въ убѣжденіи, что съ первой минуты его жизни оно было всегда самимъ собой, всегда однимъ и тѣмъ-же. Это убѣжденіе основывается на воспоминаніи о своихъ дѣйствіяхъ. Безъ этого воспоминанія оно не было-бы самимъ собой, потому что если-бы оно чувствовало свое бытіе только въ самый моментъ впечатлѣнія, то вовсе не имѣло-бы исторіи своей жизни.

„Д. Очень хорошо. А что такое память человѣка? Откуда она?

„Д’А. Изъ извѣстной организаціи, которая растетъ, уменьшается, иногда вдругъ исчезаетъ.

„Д. Такимъ образомъ, если существо чувствующее, организованное для памяти, соединяетъ получаемое имъ впечатлѣніе, составляетъ посредствомъ этого соединенія исторію, т. е. исторію своей жизни, и достигаетъ самосознанія, то оно воспринимаетъ, утверждаетъ, умозаключаетъ, думаетъ.

„Д’А. Но вотъ главное затрудненіе: мнѣ кажется, что за одинъ разъ мы можемъ думать только объ одной вещи, а между тѣмъ не только для длиннаго ряда какихъ-нибудь выводовъ, обнимающаго тысячи идей, но даже для составленія простого предположенія намъ нужны двѣ вещи — предметъ, занимающій прежде всего нашъ умъ, и то опредѣленіе или свойство, которое умъ стремится приложить къ нему или отнять у него.

„Д. Я думаю такъ-же, поэтому я и сравнивалъ иногда нити нашихъ органовъ съ чувствительными, колеблющимися струнами. Тронутая струна дрожитъ и звучитъ долго послѣ того, какъ была тронута. Это дрожаніе, этотъ родъ необходимаго отзвука, именно и сохраняетъ передъ нами присутствіе предмета въ то время,

когда разумъ занять принадлежащими ему свойствами. Но дрожащая струна можетъ еще производить сотрясеніе въ другихъ струнахъ. Точно такъ первая мысль - вызываетъ вторую, отъ нея отражается третья, а всѣ онѣ вмѣстѣ образуютъ четвертую и т. д., такъ-что невозможно опредѣлить границу пробужденныхъ и соединенныхъ мыслей у мыслителя, который размышляетъ или въ тихомъ молчаніи отдается самому себѣ. Этотъ инструментъ дѣлаетъ изумительные скачки и разъ возбужденная мысль производитъ иногда гармонію, далеко лежащую отъ нея. Если это явленіе наблюдается на мертвыхъ разъединенныхъ струнахъ, то почему-бы оно не могло имѣть мѣста между живыми, соединенными между собой и чувствительными нитями?

„Д'А. Если это и несправедливо, то очень умно. Но вы впадаете здѣсь въ противорѣчіе, котораго хотите избѣжать, — въ различеніе двухъ субстанцій. Если взглянуть ближе, то вы дѣлаете изъ ума мыслителя существо, отличное отъ инструмента, что-то вродѣ музыканта, который, прислушиваясь къ сотрясеннымъ струнамъ, судить о ихъ созвучіи и диссонансѣ.

„Д. Вы забываете различіе философскаго инструмента отъ струннаго. Философскій инструментъ чувствителенъ, это инструментъ и музыкантъ вмѣстѣ. Благодаря своей чувствительности, онъ имѣетъ моментальное сознание тона, имъ производимаго; благодаря анимальности, онъ имѣетъ память о немъ. Эта органическая способность соединяетъ тоны въ самой себѣ, она производитъ мелодію и сохраняетъ ее. Дайте фортепьяно чувствительность и память, и скажите, развѣ оно, сдѣлавшись сознательнымъ, не будетъ повторять тѣхъ арій, которыя вы играете на немъ? Мы — инструменты, одаренные чувствительностью и памятью. Наши чувства — тѣ-же клавиши, по которымъ ударяетъ окружающая насъ природа и которые часто ударяютъ сами себя... Видите-ли вы это яйцо? Имъ можно разрушить всѣ школы философовъ!.. Что такое это яйцо? До своего оплодотворенія это — безчувственная масса. Чѣмъ-же оно дѣлается послѣ оплодотворенія? Тоже безчувственной массой, потому что и сѣмя есть только мертвая и грубая жидкость. Какимъ-же образомъ эта масса переходитъ къ другой организаціи, къ чувствительности, къ жизни? Посредствомъ теплоты. Что производитъ теплота? Движеніе. Что такое эти постепенныя дѣйствія движенія? Сначала это — движущаяся точка,

маленькая нить, которая растягивается и окрашивается, затѣмъ изъ этого образуется мясо, носикъ, крылья, глаза, когти, желтоватая матерія, которая отдѣляется и производитъ внутренности; получается жьвотное. Жьвотное движется, кричитъ, я слышу сквозь скорлупу его голосъ, оно покрывается пушкомъ, оно видитъ. Тяжесть его колеблющейся головы постоянно наталкиваетъ его носикъ на стѣну его темницы, наконецъ, стѣна пробита, оно выходитъ на свободу, идетъ, летитъ, бѣжитъ, падаетъ, подходитъ ближе, жалуется, страдаетъ, любитъ, стремится, радуется. Вамъ необходимо принять одно изъ двухъ: или что въ недѣятельной массѣ яйца скрытъ элементъ, только ожидающій развитія, чтобы обнаружить свое бытіе, или-же что элементъ этотъ проникъ сквозь скорлупу въ извѣстный моментъ развитія. Но что-же это за элементъ? Занималъ онъ пространство или нѣтъ? Пришелъ онъ или ушелъ безъ движенія, порожденъ-ли онъ въ минуту потребности или уже существовалъ раньше? Если онъ былъ одинаковъ, то онъ былъ матеріальный, если-же не одинаковъ, то нельзя понять ни его бездѣйствія передъ развитіемъ, ни его энергии въ развившемся жьвотномъ... Итакъ, спокойной ночи, мой другъ; не забывайте, что такъ-какъ вы прахъ, то и обратитесь въ прахъ.

„Д'А. Это печально!

„Д. Но неизбежно!“

Розенкранцъ называетъ этотъ діалогъ „увертюрой къ оперѣ: Сонъ д'Аламбера“. Вслѣдствіе вышеприведенной бесѣды съ Дидро д'Аламберъ проводитъ безпокойную ночь. Онъ говоритъ въ полуснѣ, а сидящая около него подруга Эпинасъ записываетъ его слова, чтобы показать ихъ доктору.

Д'Аламберъ говоритъ: „Живая точка! Нѣтъ, я ошибаюсь. Сначала ничего, а потомъ живая точка. Къ этой живой точкѣ присоединяется другая, третья и т. д., и является существо. (Что съ вами, мой другъ? спрашиваетъ Эпинасъ, — спите!)“. Д'Аламберъ умолкаетъ, но черезъ нѣсколько времени снова начинаетъ говорить о зернахъ и кускахъ мяса, которые онъ положилъ въ воду, и о различныхъ родахъ жьвотныхъ, которые на его глазахъ появлялись и исчезали въ этой водѣ. Онъ смотрѣлъ въ кулакъ своей правой руки, какъ въ микроскопъ, и говорилъ: „Вольтеръ можетъ смѣяться сколько ему угодно, но Нидгамъ правъ. Я вѣрю

своимъ глазамъ, я вижу угорьбовъ, о, сколько ихъ!“ Сосудъ, въ которомъ онъ видѣлъ столько новыхъ поколѣній, живущихъ только какое-нибудь одно мгновение, онъ сравниваетъ со вселенной. Въ каплѣ воды онъ созерцаетъ исторію міра и говоритъ: „въ этой каплѣ все совершается и происходитъ въ одно мгновение, между тѣмъ какъ въ мірѣ то-же самое явленіе продолжается нѣсколько долѣе, но что значить наше бытіе сравнительно съ вѣчностью? Меньше, чѣмъ капля, которую я держу на кончикѣ иглы, въ сравненіи съ безграничнымъ пространствомъ, которое окружаетъ насъ. Безконечный рядъ маленькихъ животныхъ въ атомѣ и такой-же безконечный рядъ животныхъ въ другомъ атомѣ, называемомъ землею. Кто знаетъ предшествовавшіе намъ роды животныхъ? Кто знаетъ животныхъ, которыя будутъ слѣдовать за нынѣшними? Все измѣняется, все проходитъ, остается только цѣлое. Свѣтъ постоянно начинается и кончается. Каждое мгновение онъ находится въ состояніи своего начала и своего конца. Въ этомъ неизмѣримомъ океанѣ матеріи ни одинъ молекулъ не походить на другой, ни одинъ молекулъ, по истеченіи момента, не походить на самого себя. „Рождается новый порядокъ вещей“, — вотъ вѣчная надпись!..“

Около двухъ часовъ утра д'Аламберъ снова заговорилъ о каплѣ воды, которую онъ называетъ микрокосмомъ. Онъ удивлялся остроумію древнихъ философовъ и говорилъ: „если-бы Эпикуръ, утверждавшій, что земля содержала въ себѣ сѣмена всѣхъ вещей, что животное есть продуктъ броженія, имѣлъ возможность показать въ малыхъ размѣрахъ то, что въ началѣ временъ совершалось въ большихъ, то что стали-бы отвѣчать ему? А вы имѣете это изображеніе передъ глазами, и не научаетесь ничему! Кто знаетъ, до какого момента дошли мы въ ряду родовъ животныхъ? Кто знаетъ, не является-ли это двуногое фура въ 4 ростомъ изображеніемъ только переходнаго рода? Кто знаетъ, не переходны-ли и всѣ другіе роды животныхъ? Кто знаетъ, какая новая раса можетъ возникнуть изъ такого множества чувствующихъ и живущихъ точекъ? Чѣмъ былъ слонъ при своемъ появленіи на свѣтъ? Можетъ быть, чудовищнымъ животнымъ, какимъ онъ кажется намъ, а можетъ быть, атомомъ, такъ-какъ равно возможно то и другое, такъ-какъ то и другое предполагаетъ только движеніе и различныя свойства матеріи. Слонъ, эта чудовищная органическая масса, — быстрый

продуктъ броженія? Почему-жь и нѣтъ? Это огромное четвероногое ближе къ своему первому предку, чѣмъ червякъ къ молекулу муки, который породилъ его, но червь—не болѣе, какъ червь, т. е. ничтожество, скрывающее отъ васъ свою организацію и ея чудесность. Но чудо—это жизнь, ощущеніе. Если я видѣлъ переходъ мертвой матеріи въ состояніе ощущенія, то я уже не въ состояніи удивляться ничему болѣе. Какое можетъ быть сравненіе небольшого числа элементовъ, которое приходитъ въ броженіе въ нашей горсти, съ тѣми неизмѣримыми вмѣстилищами различныхъ элементовъ, которые разсѣяны всюду—въ нѣдрахъ земли, на ея поверхности, въ глубинѣ моря, въ широтахъ воздуха!..“

Этотъ разговоръ прерывается разговоромъ Эспинаса съ докторомъ, который излагаетъ, между прочимъ, нервную фізіологію того времени. Затѣмъ д'Аламберъ продолжаетъ: „каковъ я есть, таковъ я и долженъ быть. Цѣлое измѣняется, неизбѣжнымъ образомъ измѣняетесь и вы, равно какъ и я. Цѣлое измѣняется постоянно. Человѣкъ есть ничто иное, какъ обыкновенный результатъ; чудовище, уродъ—рѣдкій результатъ, но оба равно естественны, равно необходимы, равно въ порядкѣ вещей. И что при этомъ достойно удивленія: всѣ существа перекрещиваются между собою, а слѣдовательно и всѣ роды. Все находится въ состояніи вѣчнаго теченія. Каждое животное—болѣе или менѣе человѣкъ, каждый минераль—болѣе или менѣе растеніе, каждое растеніе—болѣе или менѣе животное. Въ природѣ нѣтъ ничего ограниченнаго. Каждая вещь есть болѣе или менѣе что-нибудь другое, болѣе или менѣе вода, болѣе или менѣе воздухъ, болѣе или менѣе огонь, и принадлежитъ болѣе или менѣе къ тому или другому царству природы. А вы говорите объ индивидуумахъ, жалкіе философы! Бросьте своихъ индивидуумовъ и отвѣчайте мнѣ: есть ли въ природѣ атомъ, который-бы, строго говоря, походилъ на другой? Нѣтъ! Не сдастся ли вамъ, что все въ природѣ находится во взаимной связи и что въ этой цѣпи невозможенъ никакой пробѣлъ? Что вы хотите сказать своимъ индивидуумомъ? Нѣтъ никакого индивидуума, нѣтъ никакого, а есть только одинъ большой индивидуумъ—все. Что такое существо? Сумма извѣстнаго числа стремленій. Могу ли я быть чѣмъ-нибудь другимъ, а не извѣстнымъ стремленіемъ? Нѣтъ, мнѣ предстоитъ конецъ. А роды? Это стремленія къ одной общей цѣли. А жизнь? Слѣдствіе дѣйствій

и противодѣйствій; живя, я дѣйствую, чувствую въ массѣ, а послѣ смерти буду дѣйствовать въ молекулахъ. Такимъ образомъ, я не умру? Безъ сомнѣнiя, въ этомъ смыслѣ я не умру, ни я, ни что другое. Родиться, жить, погибнуть—значить только измѣнить форму. А что за важность форма? Каждая форма имѣетъ свое счастье и несчастье. Отъ слона до тли во всей природѣ нѣтъ ничего, что-бы не страдало и не наслаждалось“.

Въ этой смѣси положенiй метафизической философи и выводовъ и догадокъ естественныхъ наукъ того времени насъ поражаютъ не столько постоянныя противорѣчiя, сколько та отвага ума, съ какою Дидро доходитъ до своихъ послѣднихъ выводовъ, и тѣ блестящiя гипотезы о происхожденiи видовъ и кругооборотѣ матерiи, которыя вполне развиты и доказаны только наукой нашихъ дней. Въ этомъ отношенiи, какъ и во всѣхъ другихъ, Дидро имѣлъ огромное влiянiе и на современниковъ, и на потомство, но, какъ мы уже разъ замѣтили, о размѣрахъ этого влiянiя невозможно судить по тому, что онъ писалъ, а слѣдуетъ главнымъ образомъ обратить вниманiе на то, что онъ говорилъ. Бесѣды Дидро были въ высшей степени полезны всѣмъ его друзьямъ и знакомымъ, въ особенности-же Руссо, который началъ свою дѣятельность подъ его руководствомъ. Но болѣзненный, мнительный, хитрый Руссо не могъ ужиться съ прямодушнымъ Дидро и по одному пустому случаю заподозрилъ въ Дидро своего коварнаго врага; они разошлись. Затѣмъ, когда Дидро высказалъ свое негодованiе на Руссо за то, что, очернивъ столько бывшихъ друзей своихъ въ своей „Исповѣди“, онъ лишилъ ихъ возможности оправдываться посредствомъ публичной полемики съ нимъ, такъ-какъ завѣщалъ напечатать Исповѣдь только послѣ своей смерти, хотя содержанiе ея было извѣстно почти всѣмъ немедленно послѣ ея окончанiя,—то ихъ взаимное нерасположенiе перешло въ открытую вражду. Послѣ смерти Руссо Дидро писалъ о немъ: „Я уважалъ писателя, но не уважалъ человѣка, а презрѣнiе—холодное чувство, которое не можетъ вызвать никакого горячаго поступка. Вся моя месть ограничивалась тѣмъ, что я отклонялъ его попытки снова сблизиться со мной. Я болѣе не довѣрялъ ему. Я не хочу нападать на его память. Но самъ Руссо въ своемъ посмертномъ произведенiи, въ которомъ онъ изображаетъ себя, какъ помѣшаннаго, какъ гордеца, какъ лжеца и лицебрѣ,

приподнялъ край завѣсы. Время довершить остальное и воздасть справедливость мертвому, не обижая живыхъ“.

Объ отношеніяхъ Дидро къ его семейству мы уже говорили. Какъ истый французъ того времени, Дидро кромѣ жены имѣлъ еще подругу, въ послѣднюю половину его жизни—мадмуазель Воланъ, мать которой была сначала противъ этой связи, но потомъ вполне примирилась съ нею и ея семейство сдѣлалось вторымъ семействомъ Дидро. Софія Воланъ не была ни хороша, ни молода, постоянно болѣла, но ея душа, ея умъ давали Дидро именно то, что было нужно ему. Когда Воланъ уѣзжала изъ Парижа или Дидро отправлялся куда-нибудь, то они обмѣнивались другъ съ другомъ обширными письмами, пересылка которыхъ была въ то время такъ дорога, что они принуждены были съ помощью знакомаго чиновника пересылать эти письма даромъ, подъ казенной печатью. До какой степени Дидро былъ привязанъ къ Воланъ, можно судить по слѣдующему отрывку: „Я изучилъ мудрость всѣхъ народовъ и думаю, что она не стоитъ той сладостной глупости, какую мнѣ внушаетъ моя подруга. Я слушалъ ея возвышенныя рѣчи и думалъ, что одно слово изъ устъ моей подруги произвело-бы въ моей душѣ движеніе, котораго они не въ состояніи дать мнѣ. Они рисовали мнѣ добродѣтели и ихъ образы согрѣвали меня, но я лучше хотѣлъ-бы посмотрѣть въ тиши на мою подругу и пролить слезу, которую-бы осушила рука ея или подобрали ея губы. Они старались представить мнѣ сладострастіе и его опьяненіе преходящими и обманчивыми, и я горѣлъ желаніемъ найти ихъ въ объятіяхъ моей подруги, потому что ея сердце честно и ея ласки искренни. Они говорили мнѣ: ты состаришься, а я отвѣчалъ: ея годы будутъ утекать вмѣстѣ съ моими. Они говорили: вы умрете оба, а я прибавлялъ: если моя подруга умретъ прежде меня, то я буду оплакивать ее и буду счастливъ, оплакивая ее. Она составляетъ сегодня мое счастье, она будетъ моимъ счастьемъ и завтра, и послѣ завтра, и всегда, потому что она не можетъ измѣняться, потому что боги дали ей хорошую душу, правдивость, чувство, великодушіе, добродѣтель, истину, которыя не измѣняются. И я заткнулъ уши, чтобы не слышать этихъ совѣтовъ философовъ, и хорошо сдѣлалъ, не правда-ли, моя Софія?“

Тогдашняя не только французская, но и европейская жизнь

сосредоточивалась въ знаменитыхъ французскихъ салонахъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ представителями науки и искусства либеральныя французскія бары въ безумномъ ослѣпленіи подрывали послѣднія основы того порядка, при которомъ они только и могли существовать. Въ этихъ салонахъ обсуждались всѣ событія дня, начиная съ крупныхъ и кончая мелкими городскими скандалами, всѣ произведенія литературы, всѣ вопросы философіи. Шутили, каламбурили, издѣвались надъ дворомъ, злословили и мечтали о будущемъ. При этомъ въ разное время въ салонахъ обсуждались разныя темы; между 1740 и 50 гг. математическія и физическія, между 1750 и 60—философскія, между 1760 и 70—экономическія, а начиная съ 70—политическія. Дидро не былъ созданъ для салона и патриархомъ этой салонной философской церкви былъ не онъ, а Вольтеръ, но при всемъ томъ Дидро находился въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми лицами, игравшими видную роль въ этихъ салонахъ. Особенно близокъ былъ онъ съ честнымъ, добродушнымъ, хотя и скучноватымъ Гольбахомъ, въ замкѣ котораго, Грондвалѣ, онъ обыкновенно проводилъ лѣтомъ по нѣсколькѣ недѣль, а въ городѣ онъ тоже часто бывалъ у Гольбаха вмѣстѣ съ Кондильякомъ, Тюрго, Руссо, Рейналемъ, Гельвеціемъ, Мармонтелемъ. Въ этомъ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ Дидро былъ душою общества и въ домѣ Гольбаха онъ былъ всеобщимъ любимцемъ, всѣ питали къ нему нѣжную привязанность, не только хозяева, но даже прислуга. Дидро благоговѣлъ передъ Вольтеромъ, но лично познакомился съ нимъ только послѣ триумфальнаго вѣзда его въ Парижъ и не понравился патриарху, который нашель, что „онъ способенъ только къ монологу, а не къ діалогу“. Дидро былъ очень близокъ также съ Гриммомъ, который, состоя литературнымъ и политическимъ агентомъ многихъ дворовъ, сообщалъ имъ всѣ парижскія новости о дворѣ, театрѣ, наукѣ, литературѣ, скандалахъ и т. д. Дидро очень уважалъ Гримма и совѣтовался съ нимъ о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, хотя иногда и жаловался на то давленіе, какое оказывалъ на него Гриммъ. Въ 1767 г. Гриммъ укорялъ Дидро, что онъ забылъ о госпожѣ Эпине, и въ то-же время Гольбахъ, когда Дидро отказался ѣхать съ нимъ въ его замокъ, осыпалъ его упреками. По этому поводу Дидро писалъ своей подругѣ, что онъ „начинаетъ считать дружбу невыносимѣйшею изъ всѣхъ тираній,

что онъ готовъ разорвать связь со всѣми друзьями и жить одинъ, такъ-какъ имѣеть несчастье не доставлять никому счастья, хотя и отдается всею душою тѣмъ, которые дороги ему“. Но подобныя размовки случались не часто, и дружба Гримма, Гольбаха, Кондильяка никогда не кончалась разрывомъ, какъ дружба съ д'Аламберомъ и Руссо. Находясь въ сношеніяхъ со множествомъ другихъ литераторовъ и художниковъ, Дидро часто сходилъ и съ такими жалкими личностями, какъ упомянутый нами Рамо. Всѣ нуждающіеся, равно какъ всѣ пройдохи, узнавшіе о добродушіи Дидро, постоянно осаждали его своими просьбами и Дидро дѣлалъ все, что могъ. Его дочь рассказываетъ, напр., что однажды къ нему явился помадный торговецъ и просилъ его написать рекламу о его помадѣ; Дидро засмѣялся и написалъ рекламу. Но какъ ни разнообразны были знакомства и дружественныя связи Дидро, его жизнь, сравнительно съ бурной жизнью Руссо и Вольтера, была тиха и однообразна, посвященная упорному труду, далекая и отъ тѣхъ триумфовъ, которые выпадали на долю Вольтера, и отъ тѣхъ несчастій, какія преслѣдовали несчастнаго Жанъ-Жака.

Въ числѣ друзей Дидро мы не упомянули знаменитаго скульптора Фальконе, творца петербургской статуи Петра Великаго. Дружба Дидро съ Фальконе имѣеть для насъ то особенное значеніе, что ей мы обязаны нѣсколькими превосходными письмами Дидро къ скульптору, когда послѣдній работалъ въ Петербургѣ. Эта переписка начинается упрекомъ Дидро своему другу за его равнодушіе къ посмертной славѣ, которую Фальконе считалъ химерою, довольствуясь уваженіемъ современниковъ. „Пріятно ночью, пишетъ Дидро, — слушать отдаленную игру флейты, изъ которой мы схватываемъ только отдѣльные отрывчатые тоны, которые нашей фантазіи удается связать и составить изъ нихъ связную пьесу, тѣмъ болѣе прелестную, что она въ значительной степени является нашимъ собственнымъ созданіемъ. Я согласенъ, что концертъ, разыгрываемый близко, имѣеть цѣну, но повѣрьте мнѣ, мой другъ, что не онъ, а пьеса, слушаемая издали, очаровываетъ насъ. Кругъ, въ которомъ мы живемъ и въ которомъ намъ удивляются, время, въ продолженіи котораго мы существуемъ и слышимъ похвалу себѣ, число тѣхъ, которые по справедливости воздаютъ намъ эту похвалу, заслуженную нами, — все это слишкомъ ничтожно для на-

шей честолюбивой души. Может быть, мы сочли-бы себя недостаточно вознагражденными за наши труды даже въ томъ случаѣ, если-бы весь свѣтъ преклонилъ свои колѣни передъ нами. Рядомъ съ тѣми, которые уже простерлись передъ нами, пусть преклонятся и тѣ, которыхъ еще нѣтъ. Только это безчисленное множество поклонниковъ можетъ удовлетворить духъ, полеть котораго всегда устремленъ къ безконечному. Вы видите, мой другъ, что я смѣюсь надъ всѣмъ этимъ, что издѣваюсь и надъ собой, и надъ всѣми головами, которыя такъ-же дурно устроены, какъ моя. И, однакожь, признаюсь вамъ, что когда смотрю въ глубину своего сердца, то все-таки нахожу тамъ чувство, которое осмѣиваю... Я говорилъ вамъ и повторяю: наша ревность пропорціональна времени, продолжительности, числу свидѣтелей. Вы дѣлаете свои эскизы, можетъ быть, для самихъ себя, но кончаете ихъ для другихъ. Такимъ образомъ, если во всемъ остальномъ мы равны съ вами—предполагая одинаковое чувство, одинаковый талантъ, одинаковую любовь къ уваженію современниковъ и одинаковую боязнь ихъ порицанія,—то я, присоединивъ сюда еще мысль о потомствѣ и увеличивъ безчисленнымъ множествомъ будущихъ свидѣтелей число тѣхъ, которые признаютъ меня, я имѣю однимъ мотивомъ больше, чѣмъ вы. Вы будете чело-вѣкомъ катафалка, который сегодня дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобы сломать завтра, а-же буду чело-вѣкомъ триумфальной арки, построенной для вѣчности... Я предполагаю памятникъ, который сдѣлаетъ меня бессмертнымъ. Я хочу удивленія вѣка и всѣхъ грядущихъ столѣтій, и если-бы я могъ себѣ представить такое время, когда труды мои впадутъ въ презрѣніе, то всѣ одобренія моихъ современниковъ не могли-бы заглушить моего горя объ этомъ будущемъ позорѣ!..“

„Я не благодаренъ къ своимъ современникамъ? Я? Я въ высшей степени цѣню ихъ уваженіе, если оно искренне, разумно и постоянно. Я говорю имъ: если я могу вамъ нравиться, не презирая себя, не подчиняясь вашимъ пустымъ фантазіямъ, вашему ложному вкусу, не измѣняя истинѣ, не обижая добродѣтели, не отрекаясь отъ добра и красоты, то я готовъ. Но я желаю такъ-же нравиться и тѣмъ, которые будутъ слѣдовать за вами и не будутъ имѣть вашихъ предразсудковъ, и если-бы я обращалъ вниманіе только на васъ, то я, можетъ быть, не понравился-бы имъ и даже рисковалъ-бы не долго нравиться вамъ“...

„Какого чорта говорите вы объ этихъ *petites debouchées*? Развѣ эти души созданы для безсмертія? Должно-ли обращать вниманіе на нихъ, взывая къ будущимъ вѣкамъ? Это воззваніе есть крикъ добродѣтели, лежащей подъ гнетомъ, крикъ генія, восторгающагося собственнымъ созданиемъ, крикъ героизма, крикъ совѣсти, и этотъ крикъ не смѣшонъ ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, ни въ томъ случаѣ, когда онъ авторизируется согласіемъ народа, просвѣщеннаго истиной, ни тогда, когда онъ исторгается варварствомъ народа грубаго и тупоумнаго...

„Вы спрашиваете меня о мотивахъ къ совершенію великихъ дѣлъ, и я признаюсь вамъ со всею искренностію, къ какой только я способенъ, что во время преслѣдованій, которыя я вытерпѣлъ, меня утѣшала увѣренность, что когда-нибудь обстоятельства переменятся. Я смотрѣлъ на болѣе справедливое будущее. Но поверьте мнѣ, что мой духъ былъ сокрушенъ и что я сто разъ чувствовалъ искушеніе сложить оружіе и предоставить собственному ходу слѣпцовъ, бьющихъ своими посохами тѣхъ, которые стараются возвратить имъ зрѣніе...“

„Человѣкъ долженъ имѣть награду, идеальный или реальный мотивъ. Но гораздо лучше сдѣлаете, если соедините оба ихъ. Дайте ему счастье, пока онъ живетъ, и покажите ему статую, когда его не будетъ болѣе. Вотъ средства, чтобы развернуть все его силы. Что толку воздвигать памятники тѣмъ, которыхъ уже нѣтъ, пестрить торжественными надписями мраморъ, покрывающій ихъ холодный прахъ, выставлять передъ гражданами бюсты защитниковъ ихъ свободы, излагать въ вѣчныхъ созданіяхъ рассказы объ ихъ подвигахъ? Развѣ для мертвыхъ дѣлается все это? Нѣтъ, для живыхъ! Имъ говорятъ: если ты будешь поступать такъ, то тебя ожидаютъ эти почести. Ты будешь служить образцомъ тѣхъ, которые будутъ слѣдовать за тобою, какъ они будутъ служить тѣмъ, которые послѣдуютъ за ними. Мы не будемъ къ тебѣ неблагодарны, чѣмъ къ нимъ; уважай жизнь, люби смерть...“

... „Почему, съ вашего позволенія, не считается самымъ пагубнымъ чтеніемъ исторія, въ каждой строкѣ которой стоитъ рядомъ съ преступленіемъ угнетенная добродѣтель, рядомъ съ гонимымъ талантомъ награжденная бездарность, невѣжество въ пурпурѣ, гонимый въ лохмотьяхъ, ложь въ уваженіи, истина въ оковахъ? Если

приговоръ потомства ничего не значить, то каждый умный человекъ можетъ сказать историку: ты рассказываешь прекрасно, но что мнѣ толку въ твоей похвалѣ, когда я много страдалъ и долженъ умереть? Я вижу, что къ мертвымъ относятся съ должной справедливостью, но я живу, и если можно, хочу счастливо жить, а что мнѣ въ тѣхъ похвалахъ, которыхъ я не услышу?..“

„Если я говорю объ общественномъ мнѣніи, то дѣло идетъ, понятно, не о тѣхъ пестрыхъ толпахъ разныхъ людей, которые шумно освистываютъ въ партерѣ образцовое произведение, поднимаютъ пыль въ салонахъ и справляются въ книгѣ о томъ, должны-ли они удивляться или-же порицать. Я говорю о томъ небольшомъ стадѣ, о той невидимой церкви, которая смотритъ, размышляетъ, говоритъ тихо, но голосъ которой разносится далеко и составляетъ общественное мнѣніе. Я говорю о томъ здоровомъ, спокойномъ и убѣжденномъ приговорѣ цѣлой націи, который никогда не фальшивить, никогда не бываетъ безсознательнымъ, который опредѣляетъ настоящую цѣну всякаго произведенія...“

...„Желаніе славы предполагаетъ въ другихъ чувство справедливости и требуетъ справедливости, какъ отъ настоящаго, такъ и отъ будущаго. *Après nous le déluge* — эта поговорка создана только для мелкихъ, жалкихъ душъ, занятыхъ исключительно своими милыми особами. Никогда не произнесетъ ее великій монархъ, добрый отецъ. И самую жалкою и презрѣнною была-бы нація, въ которой каждый-бы руководился ею въ своемъ поведеніи“.

„Мы цѣнимъ тѣхъ, которыхъ нѣтъ уже болѣе... О, вы, мудрецы Афинъ и Рима, когда я встрѣчаю ваши статуи въ какой-нибудь уединенной алеѣ, когда онѣ приковываютъ меня и я останавливаюсь передъ ними, очарованный и полный удивленія, когда при видѣ вашихъ величественныхъ образовъ мое сердце бьется отъ радости, когда я чувствую въ себѣ божественный энтузіазмъ, переходящій на меня съ вашего холоднаго мрамора, когда я вспоминаю о вашихъ великихъ дѣлахъ и о неблагодарности вашихъ согражданъ, то глаза мои наполняются слезами умиленія при мысли о томъ, какъ пріятно было бы мнѣ, спросивъ свою совѣсть, получить отъ нея свидѣтельство, что и я тоже много послужилъ для своей націи и своего вѣка! Какъ пріятно было-бы моему уму представить себѣ мою статую посреди вашихъ и вообра-

зять, что настанетъ когда-нибудь день, когда передъ нею будутъ чувствовать тѣ-же драгоценныя восторги, какіе вы внушили мнѣ. Чувство безсмертія никогда не пощадитъ пошлой и низкой души“ ...

... „Что такое созданіе поэта, оратора, философа, художника? Исторія нѣсколькихъ счастливыхъ моментовъ его жизни, которую онъ ревностно старается вырвать изъ забвенія. Личность погибаетъ, но родъ безконеченъ. Это оправдываетъ человѣка, приносящаго себя въ жертву всеожженія на алтаряхъ потомства... Безъ воодушевленія славою, безъ упоенія безсмертіемъ, безъ интереса къ будущему, безъ уваженія къ потомству невозможно никакое изъ тѣхъ предпріятій, всѣ выгоды которыхъ выпадаютъ на долю будущаго, а всѣ труды достаются настоящему. Нѣтъ болѣе Ахилла, приносящаго себя въ жертву. Греки отступаютъ, и Иліонъ остается цѣлымъ. Иліонъ — символъ великой вещи“ ...

Мы нарочно привели обширныя выдержки изъ этихъ писемъ, характеризующихъ, по выраженію Розенгранца, „величіе этико-эстетическаго идеализма нашего философа“. Но настойчивое убѣжденіе Дидро трудиться для потомства мало вязалось съ его личнымъ характеромъ, такъ-какъ онъ положительно расточалъ свои таланты на устныя и письменныя импровизаціи. Онъ всегда любилъ лучше сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло, чѣмъ написать хорошую страницу; при своей самоотверженной заботливости о другихъ онъ не заботился ни о своихъ силахъ, ни о своемъ времени и великодушно тратилъ свою жизнь для своихъ современниковъ, мало думая въ это время о славѣ будущихъ вѣковъ. При такомъ характерѣ Дидро естественно бѣдствовалъ цѣлую жизнь и, наконецъ, дошелъ до необходимости продать свою бібліотеку, которая была куплена Екатериною II, оставившею ее Дидро въ пожизненное пользованіе и назначившею его бібліотекаремъ съ выдачею жалованья 50,000 франковъ впередъ за 50 лѣтъ. Это привело въ восторгъ Вольтера и онъ писалъ Дамилавилю: „Любезный братъ! Въ отвѣтъ на письмо ваше я отъ всего сердца обнимаю Платона Дидро, а также императрицу всероссійскую. Кто могъ-бы подумать лѣтъ 50 назадъ, что добродѣтель, наука, философія, съ которыми такъ недостойно обращаются у насъ, найдутъ себѣ такую великолѣпную оцѣнку со стороны скифовъ? Примите, славный Дидро, увѣреніе въ моей живѣйшей радости“. „Екатерина, говоритъ Розенгранцъ, — хорошо знала, что дѣлала. По-

купкою библиотеки Дидро она не только сдѣлала хорошее приобрѣтеніе, но унижала французскій дворъ и заставляла всѣхъ друзей тогдашняго революціоннаго движенія и во главѣ ихъ Вольтера громко восхвалять ея великодушіе. Фридрихъ былъ Соломономъ, Екатерина Семирамидою сѣвера. Однажды послала она въ подарокъ французскимъ академикамъ прекрасныя шубы. Это было очень практично, но Гриммъ пришелъ въ такой восторгъ, словно этотъ поступокъ былъ самымъ добродѣтельнымъ подвигомъ. Самъ Дидро писалъ въ Петербургъ, что Екатерина не только тамъ, но и въ Парижѣ пользуется великой славою. Если Моренъ упрекаетъ Дидро въ томъ, что онъ, философъ оппозиціи, чуть не декоратъ, унижился передъ Екатериной и принялъ отъ нея пенсію, то онъ забываетъ, что философы видѣли въ Екатерину также философа. Тогдашніе государи, наравнѣ съ ними, были друзьями просвѣщенія. Освобожденіе отъ предрасудковъ, уничтоженіе злоупотребленій, ограниченіе власти духовенства, утвержденіе терпимости, распространеніе благотворительности, покровительство промышленности—все это было ихъ лозунгомъ и въ отношеніи къ нимъ философы умѣли держать себя съ большимъ достоинствомъ. „Sensiblerie déclamatoire“ просвѣщенія была тогда общею страстью. Когда госпожа Жоффренъ на пути въ Варшаву пріѣхала въ Вѣну, то ее приняли съ величайшею предупредительностью, несмотря на ея мѣщанское происхожденіе, но, съ другой стороны, она вела себя съ такимъ тонкимъ тактомъ, что блистательно оправдала сдѣланный ей блистательный приемъ. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ Дидро такъ свободно говорилъ съ императрицей въ ея кабинетѣ, что потомъ самъ удивлялся своей смѣлости. Когда же онъ останавливался, она сама просила его продолжать, не стѣсняясь“.

Дидро былъ въ Петербургѣ въ 1774 г., будучи уже 60-ти лѣтнимъ старикомъ и сведя почти всѣ свои счеты съ жизнью. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ для того, чтобы поблагодарить Екатерину за все, что она сдѣлала для него, и въ то-же время съ надеждою что-нибудь сдѣлать черезъ Екатерину „для человечества“, какъ тогда выражались. Въмѣсто предполагаемыхъ двухъ мѣсяцевъ онъ пробылъ въ Петербургѣ пять, бесѣдуя съ Екатериною почти ежедневно обо всемъ, что приходило ему въ голову, особенно-же о законодательствѣ и образованіи Россіи. Случалось, что въ пылу оживленнаго разговора Дидро трепалъ Екатерину

по колѣнямъ и она вовсе не оскорблялась этимъ. Екатерина очаровала его и онъ увѣрялъ, что „у ней душа Брута въ очаровательномъ образѣ Клеопатры“. Но при всемъ увлеченіи Екатериною, какъ частнымъ лицомъ и философомъ, Дидро неизбежно долженъ былъ разочароваться въ ней, равно какъ и она въ немъ, когда дѣло дошло до упомянутыхъ плановъ относительно „человѣчества“. „Дидро, говоритъ извѣстный историкъ Германъ, — съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ развивалъ свои основныя мысли о свободѣ и народномъ правѣ. Казалось, императрица была въ восхищеніи отъ его словъ, однакожь не выказала ни малѣйшаго расположенія дѣйствовать въ ихъ смыслѣ. „Дидро, говорила она, — разсуждаетъ иногда какъ столѣтній старецъ, а иногда какъ десятилѣтній ребенокъ“. Впослѣдствіи сама Екатерина, вспоминая о Дидро, разсказывала Сегюру: „долго и часто я съ нимъ бесѣдовала, но больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользой. Если-бы я послушалась его, то пришлось-бы все перевернуть въ моемъ государствѣ — законы, администрацію, политику, финансы, уничтожить все и замѣнить несбыточными теоріями. При всемъ томъ, такъ какъ я болѣе слушала его, чѣмъ говорила, то, взглянувъ на насъ со стороны, можно было-бы принять его за строгаго наставника, а меня за покорную его ученицу. По всей вѣроятности, и ему самому такъ думалось, ибо по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что въ управленіи моемъ не послѣдовало никакихъ нововведеній, которыя онъ мнѣ совѣтовалъ, онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ оскорбленной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я откровенно сказала ему: „г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума, но со всѣми вашими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, но плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, а-же, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги“. Я увѣрена, что съ тѣхъ поръ онъ началъ смотрѣть на меня съ сожалѣніемъ, считая меня женщиной простой и ограниченной. Съ того времени онъ говорилъ со мной только о литературѣ, политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ“. Съ какими противниками, кромѣ Екатерины, приходилось Дидро спорить въ Петербургѣ, можно судить по тому

разговору, который онъ еще раньше имѣлъ въ Парижѣ съ княгиней Дашковой, однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени. Когда Дидро замѣтилъ о необходимости освобожденія крестьянъ, то Дашкова отвѣчала ему: „богатство и счастье нашихъ крестьянъ составляетъ единственный источникъ нашего собственного благосостоянія и нашихъ доходовъ; при такой акціо-нѣ надо быть сумасшедшимъ, чтобы истощать родникъ личнаго нашего интереса!..“

Поживъ въ Петербургѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Дидро сильно заскучалъ о друзьяхъ и о Парижѣ. Екатерина готова была озолотить его, но онъ не хотѣлъ взять отъ нея ничего, кромѣ путевыхъ денегъ до Парижа и недорогого перстня, который она носила сама. „Если бы я пожелалъ черпать полными пригоршнями изъ царской шка-тулки, писалъ онъ впоследствии, — то, вѣроятно, дѣло отъ меня зави-сѣло, но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ зло-язычниковъ и дать вѣру въ меня парижскимъ невѣрующимъ“. По-ѣздка въ Петербургъ и обратно сильно разстроила здоровье Дидро, начали выпадать зубы, усиливалась усталость, голова отказы-валась работать. началось кровохарканіе. Этотъ процессъ разруше-нія продолжался около четырехъ лѣтъ, постепенно усиливаясь раз-ными осложнениями. Когда не задолго до его смерти медики за-претили ему подниматься въ его библіотеку, то Екатерина, извѣ-щенная объ этомъ Гриммомъ, велѣла нанять для него другую великолѣпную квартиру. Но Дидро пришлось прожить въ ней только 12 дней. Наканунѣ своей смерти онъ принималъ друзей и бесѣдовалъ съ ними о философіи. „Первый шагъ къ филосо-фіи есть невѣріе“. Это были его послѣднія слова, слышанныя его дочерью. На завтра, 30 іюля 1784 г., Дидро не стало.

Одной изъ лучшихъ характеристикъ Дидро остается до сихъ поръ та, которая была сдѣлана вскорѣ послѣ его смерти его дру-гомъ Гриммомъ. „О, Дидро, сколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ погасъ умъ твой и могильная тѣма покрыла твой без-жизненный прахъ! И изъ столькихъ друзей, которымъ ты посвя-щалъ свои ночи, для которыхъ ты расточалъ сокровища своего таланта и богатства своей фантазіи, не нашлось еще ни одного, который-бы позаботился воздвигнуть тебѣ памятникъ, достойный той благодарности, какою обязаны тебѣ дружба, твое время и бу-дущіе вѣка. А между тѣмъ память какого ученаго достойнѣе быть

переданною потомству? Правда, онъ не сдѣлалъ никакого открытія, которое-бы расширило сферу нашихъ знаній, можетъ быть, даже онъ не оставилъ ни одного произведенія, которое-бы поставило его въ первый рядъ нашихъ ораторовъ, нашихъ философовъ, нашихъ поэтовъ, но я спрашиваю всѣхъ, которые имѣли счастье знать его, не былъ-ли онъ все-таки однимъ изъ удивительнѣйшихъ проявленій силы генія? Если есть люди, о которыхъ слѣдуетъ сохранять вѣрное воспоминаніе ради славы человѣческаго ума, то это тѣ, которые имѣли самое основательное притязаніе на общественное уваженіе и удивленіе, но которые, влѣдствіе обстоятельствъ, влѣдствіе извѣстной фатальности своей судьбы, никогда не могли развернуть своихъ способностей во всей ихъ силѣ, въ полномъ ихъ объемѣ...

...„Художникъ, который-бы сталъ искать идеаль для головы Аристотеля или Платона, едва-ли-бы нашелъ изъ новѣйшихъ лучшую голову, чѣмъ голова Дидро. Его широкій, открытый и слегка закругленный лобъ носилъ внушительный отпечатокъ обширнаго, свѣтлаго и плодотворнаго ума. Его носъ обладалъ мужественной красотой, черты его верхнихъ вѣкъ были тонки, его глаза кротки и полны чувства, а въ тѣхъ случаяхъ, когда его голова начинала работать, они сверкали огнемъ, его ротъ дышалъ привлекательною смѣсью сводобы, пріятности и добродушія. Казалось, что энтузіазмъ сдѣлался естественнымъ свойствомъ его голоса, его души, всѣхъ его чертъ. Чтобы получить себѣ нѣкоторое представленіе объ обширности и плодотворности его ума, достаточно бросить бѣглый взглядъ, не скажу на все то, что онъ сдѣлалъ, но только на тѣ произведенія, которыя извѣстны публикѣ подъ его именемъ. Тотъ-же самый человѣкъ, который составилъ планъ прекраснѣйшаго памятника, какой только посвящало время славы и просвѣщенію рода человѣческаго, и самъ выполнилъ значительную часть этого дѣла, тотъ-же самый человѣкъ написалъ двѣ театральныя піесы въ совершенно новомъ родѣ, которымъ самый строгій вкусъ не можетъ отказать въ замѣчательномъ драматическомъ эффектѣ и въ слогѣ, полномъ теплоты и страсти; тотъ-же самый человѣкъ, которому мы обязаны столькими произведеніями утонченнѣйшей метафизики въ его письмахъ о слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, въ его философскихъ мысляхъ, въ его истолкованіи природы, во множествѣ статей о древней философіи,

составилъ и подробнѣйшее, точнѣйшее и полнѣйшее описаніе всѣхъ нашихъ промышленныхъ производствъ. Каждый знаетъ, какъ сильно усовершенствовался съ того времени этотъ трудъ, но можно-ли забыть, что до Дидро объ этомъ предметѣ не было написано и одной удобочитаемой строки? Тотъ-же самый человѣкъ, который оставилъ намъ такъ много богатыхъ свѣденіями философскихъ и ученыхъ сочиненій, даже математическихъ разсужденій, о которыхъ первый изъ нашихъ геометровъ отзывается съ величайшею признательностію, писалъ еще разсказы и романы, превосходнѣйшія вещи, полныя оригинальности и юмора, и заключилъ, къ общей пользѣ, свою литературную карьеру „Опытномъ о царствованіи Клавдія и Нерона“. Если только вспомнить, что такое множество разнообразнѣйшихъ произведеній вышло изъ рукъ человѣка, который могъ употреблять на нихъ только время, остававшееся ему отъ заботъ объ обезпеченіи своего собственнаго существованія и существованія семейства, который могъ дарить имъ немногіе свободные моменты, какіе оставляли ему навязчивость чужихъ людей, нескромность его друзей и главнымъ образомъ необыкновенная беззаботность его характера, то необходимо сознаться, что мало людей было одарено болѣе обширнымъ умомъ, болѣе рѣдкимъ и плодотворнымъ талантомъ.

„Геній Дидро походилъ на тѣхъ сыновей, которые выросли въ нѣдрахъ зажиточнаго семейства, считаютъ фонды его неисчерпаемыми и поэтому не полагаютъ границъ своимъ желаніямъ, не держатся никакого порядка въ своихъ расходахъ. До какой степени превосходства не поднялся-бы этотъ геній, на какое предпріятіе не хватило-бы силъ его, если-бы онъ посвятилъ себя одному предмету, если-бы онъ, по крайней мѣрѣ, то время и тѣ силы, которыми постоянно жертвовалъ всякому обращавшемуся къ нему за помощью, совѣтомъ и руководствомъ, сберегалъ для усовершенствованія своихъ собственныхъ произведеній? То, что онъ дѣлалъ сначала по добродушію, по привычкѣ, по извѣстной наклонности своего характера, онъ дѣлалъ потомъ по необходимости, по принципу и самъ наивно говаривалъ по этому поводу: „у меня не воруютъ моей жизни, я самъ отдаю ее. Что я могу сдѣлать лучше того, какъ если отдамъ часть ея тому, кто достаточно уважаетъ меня, чтобы попросить о томъ? Дѣло не въ томъ, чтобы то или другое было сдѣлано мною или кѣмъ другимъ, но въ томъ, чтобы

оно было сдѣлано, и сдѣлано хорошо, все равно, дурнымъ или хорошимъ человѣкомъ. Меня не будутъ хвалить за это ни теперь, ни послѣ моей смерти, но тѣмъ болѣе я буду уважать себя и тѣмъ болѣе будутъ любить меня. Обмѣнъ благотворительности, награда за которую вѣрна, на знаменитость, которая пріобрѣтается не всегда и не безъ неудобствъ, вовсе не дурень...“

...„Если когда-либо существовалъ талантъ, способный обнимать и оплодотворять всѣ человѣческія знанія, то это былъ Дидро. Это была отъ природы энциклопедическая голова. Утонченная метафизика, глубокомысленное вычисленіе, ученое изслѣдованіе, поэтическая концепція, вкусъ къ искусствамъ и къ древности,—на всѣ эти столь разнообразныя предметы обращалось его вниманіе съ одинаковой энергіей, съ одинаковымъ интересомъ, съ одинаковою легкостью, но его мысли попеременно воодушевляли его столь страстно, что болѣею частію не онъ управлялъ ими, а онѣ имъ. Его идеи были сильнѣе его, онѣ увлекали его съ собою и онъ былъ не въ состояніи удерживать ихъ или регулировать ихъ теченіе... Упорная война, вести которую онъ считалъ себя обязаннымъ, похищала у него драгоценнѣйшія мгновенія его жизни, часто отвлекала его отъ обработки наукъ и искусствъ и заставляла его пренебрегать тѣмъ талантомъ, который вѣрнѣе всего обезпечилъ-бы ему славу. Онъ сдѣлался философомъ, между тѣмъ какъ природа назначила ему быть ораторомъ или поэтомъ. И кто будетъ спорить, что въ иное время и при другихъ обстоятельствахъ изъ него скорѣе всего не вышелъ-бы отецъ церкви? Не менѣе способенъ онъ былъ-бы идти по путямъ Кальвина или Лютера, если-бы онъ былъ способенъ къ болѣе строгой выдержкѣ и если-бы въ характерѣ его не было столько-же слабости, сколько въ его умѣ было силы и крѣпости...“

...„Онъ любилъ быть полезнымъ другимъ, какъ любятъ пріятное и здоровое упражненіе. Всю тонкость, всю дѣятельность ума, которые обыкновенно тратятъ на составленіе собственнаго счастья, онъ жертвовалъ первому встрѣчному и при этомъ часто не зналъ никакой мѣры; сильно запутанная интрига, ведущая, повидимому, къ цѣли, прибавляла новую прелесть къ его наслажденію самопожертвованіемъ. Застѣчивый, неловкій, когда дѣло шло о немъ самомъ, онъ нискогда не бывалъ такимъ, когда приходилось дѣйствовать для другихъ; иногда онъ бывалъ золъ и капризенъ,

какъ ребенокъ, но прежде всего бросался въ немъ въ глаза неистощимый запасъ добродушія. Съ искреннею довѣрчивостію любилъ онъ всѣхъ людей, пока не получалъ достаточно сильныхъ основаній презирать или ненавидѣть ихъ. Но даже послѣ того, какъ ему представлялись вполне основательныя причины жаловаться на людей, онъ подвергался опасности забыть объ этомъ. И хотя онъ серьезно считалъ себя обязаннымъ помнить объ этомъ и даже дѣлалъ для себя на маленькихъ листикахъ памятныя замітки, но эти листики спокойно лежали въ одномъ углу его письменнаго стола и ему рѣдко приходило желаніе справиться съ этимъ спискомъ, и я только однажды видѣлъ, какъ онъ взялся за него, чтобы справиться и рассказать, какой недостойный поступокъ относительно его сдѣлалъ несчастный Руссо "...

...„Дидро обращался менѣе съ людьми, чѣмъ съ своими собственными идеями. Величайшее обаяніе общества, въ которомъ онъ обыкновенно жилъ, заключалось въ томъ, что оно было единственнымъ театромъ, на которомъ онъ могъ вполне отдаваться своему естественному воодушевленію и развѣртываться во всю ширь своей экзальтаціи. Когда-же лѣта охладили его голову, то онъ сталъ довольно равнодушенъ къ обществу; оно часто даже доставляло ему больше скуки, чѣмъ удовольствія, и онъ съ восторгомъ возвращался въ свое уединеніе. Его книги, послужившія поводомъ къ благодѣянію Екатерины, уединенныя прогулки, дружеская болтовня, особенно съ дочерью, доставляли ему самое пріятное наслажденіе. Эта дочь, которую онъ любилъ такъ нѣжно и которая была такъ достойна любви, служила до послѣдняго мгновенія его жизни отрадой и утѣшеніемъ. Она помогала ему съ несравненнымъ терпѣніемъ и кротостію переносить жестокія страданія и мучительную скуку болѣзни, исходъ которой онъ давно предвидѣлъ безъ страха и безъ слабости“...

Не многое можно прибавить къ этому портрету, написанному мастеромъ. И въ словахъ, и въ дѣйствіяхъ Дидро часто противорѣчилъ себѣ, но эти противорѣчія были только плодомъ необыкновенной разносторонности его природы. Въ немъ, какъ въ фокусъ, сосредоточились на время всѣ тѣ силы и стремленія, которыя вскорѣ послѣ его смерти разразились такою страшною бурей.